

К-14038

V 298944

ISSN 0453-8048

ISSN 0135-1834

ВЕСТНИК

ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№ 185

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

Выпуск 12

298944

1 р. 10 к.

Вестн. Харьк. ун-та, 1979, № 185, 1—112.

X H H T 134

THE
LIBRARY
OF THE
MUSEUM
OF
COMPARATIVE ZOOLOGY
AND ANATOMY
HARVARD UNIVERSITY
CAMBRIDGE, MASS.

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

**ВЕСТНИК
ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

№ 185

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

ВЫПУСК 12

Основан в 1966 г.

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ХАРЬКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ВИЩА ШКОЛА»
1979

Иностранные языки, вып. 12. Вестн. Харьк. ун-та, № 185. — Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьк. ун-те, 1979. — 112 с.

Настоящий выпуск посвящен исследованию отдельных вопросов романо-германской филологии, а также методики преподавания иностранных языков в высших и средних учебных заведениях. В некоторых статьях анализируется литература по вопросам грамматики и лексикографии.

Для специалистов.

Редакционная коллегия: Ю. М. Ткаченко (отв. ред.), А. С. Калиниченко (зам. отв. ред.), О. А. Рассказова (отв. секр.), В. И. Безуглый, Г. В. Ейгер, Ю. Ф. Ещенко, В. И. Каравашкин, С. Т. Навальная.

Адрес редакционной коллегии: 310077, Харьков-77, пл. Дзержинского, 4, университет, кафедра иностранных языков. Тел. 40-14-04.

Редакция гуманитарной литературы.

О. П. АНДРЕЕВА

ОТРИЦАНИЕ И СОВМЕСТИМОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В современной лингвистической литературе нет единого мнения о семантической функции отрицания и его грамматической природе. Широко распространена точка зрения, согласно которой семантическая функция отрицания состоит в отвержении соответствующего положительного высказывания как ложного [6, с. 219]. Отдельные ученые понимают ее как отражение в языке отношений разделения или разъединения между предметами объективного мира [2, с. 7]. А. М. Пешковский пишет, что сущность категории отрицания с синтаксической точки зрения сводится к тому, что связь между теми или иными двумя представлениями «сознается отрицательно», т. е., что она «реально не существует» [3, с. 386].

Грамматическая природа отрицания понимается многими лингвистами как выражение модальности и косвенных наклонений [3, 5, 8]. Признавая, что употребление вспомогательного глагола придает отрицательным формам в английском языке модальную окраску более выраженную чем в русском, Б. А. Ильиш считает несостоятельным предположение о существовании особого отрицательного наклонения в английском языке [7, с. 8]. А. И. Смирницкий и Б. И. Ильиш относят отрицание к числу морфологических категорий английского глагола.

В определении грамматической природы отрицания мы придерживаемся точки зрения, согласно которой значения «утверждения» и «отрицания» являются частными значениями синтаксической категории информации [9, с. 244]. Значение «утвердительной» информации передается нулевой формой, а «отрицательной» — при помощи сказуемого отрицания *not* (*n't*), которое является специальной синтаксической единицей — синтаксической словоморфемой отрицания, с помощью которой образуется «отрицательный» член оппозиции в категории информации.

Не всякое отрицательное предложение может быть синтаксическим оппозитом утвердительного. «Отрицательным» членом

оппозиции в категории информации может выступать только такое предложение, которое содержит синтаксическую слово-морфему *not* (*n't*), поскольку она не вносит нового лексического значения. Например: *He did not see us — He saw us*. Разница между этими предложениями состоит в том, что в утвердительном предложении два понятия, связанные отношениями предикации, представлены как совместимые, а в отрицательном как несовместимые. Лексической разницы между положительным и отрицательным оппозидами (противочленами) в данном случае нет, в то время как предложения *He never saw us — He saw none of us — He saw not much of us*, в которых отрицание выражено словами *never, none, not, much*, приобретают новое лексическое значение и, следовательно, не могут выступать в роли грамматического оппозида (противочлена) утвердительного предложения и входить в состав синтаксической категории совместимости.

Корреляция совместимости может быть представлена следующими оппозидами:

<i>I don't know what to do</i>	— <i>I know what to do</i>
<i>Mor wasn't quite sure</i>	— <i>Mor was quite sure</i>
<i>Don't forget me!</i>	— <i>Forget me!</i>
<i>Aren't you ready yet?</i>	— <i>Are you ready yet?</i>

У членов каждой оппозиции семантическая база и предикативная часть одинаковы за одним исключением. У маркированного члена отрицание указывает на несовместимость элементов: в первом предложении *I* и *know*, во втором *Mor* и *sure*, в третьем выражена просьба или приказ не совмещать имплицитное *you* с *forget me*, в четвертом выражен вопрос о совместимости *you* и *ready*, у немаркированного члена соответствующие элементы предложения представлены как совместимые или совмещающиеся. В качестве коррелятивного признака данных оппозиций принимается: отрицательная совместимость — положительная совместимость. Родовой признак обозначен словом «совместимость».

Если коррелятивный признак обозначить общепринятыми словами «отрицание — утверждение», то тогда будет трудно подобрать термин для общего родового признака. Кроме того, термины «отрицание», «отрицательный» применяются не только по отношению к предложению, но и по отношению к слову (отрицательные местоимения и наречия) и морфеме.

Понятие «несовместимость», напротив, относится только к предложению, а не к слову или морфеме. Нет, например, значения «несовместимости» у слов *never, nothing, nobody, none* и др. Если даже оговорить, что отрицание обозначает только отрицательные предложения, то, как уже отмечалось выше, далеко не каждое из них является членом рассматриваемых

оппозиций. Предложение *He never saw us* не имеет противочлена оппозиции совместимости. Предложения *Nothing happened to him* *Something happened to him* отличаются лексически в той мере, в какой слово *nothing* отличается от *something*. То же можно сказать и о предложениях типа: *He never saw us* — *He saw none of us* — *He saw not much of us*. Все они находятся вне оппозиции совместимости, которая нейтрализуется в сочетании с такими словами, как *never*, *none*, *nobody*, *nothing* и др. Член нейтрализации содержит косвенный меризм, обычно соответствующий одному из меризмов оппозиции.

Действительно, предложение *He never saw us* по структуре похоже на *He saw us*, а не на *He didn't see us*, т. е., как бывает чаще всего, член нейтрализации похож на немаркированный член оппозиции и в данном случае имеет косвенный меризм положительной совместимости, несмотря на отрицательное наречие *never*. Здесь отрицание лексическое, а не грамматическое, на уровне слова, а не предложения, *he* и *never saw* представлены как совместимые.

Отрицание может быть выражено на разных уровнях языковой структуры, однако, ни морфемное, ни словесное отрицание не является грамматическим средством его выражения. Грамматическое отрицание содержится в предложениях, которые составляют маркированный член оппозиции в синтаксической категории совместимости.

Рассматривая отрицание на уровне предложения, мы уже говорили о том, что в английском языке имеются общие и специальные отрицательные предложения, подобно тому, как существуют общие и специальные вопросы, общая и специальная эмфаза [1, с. 3]. Мы рассмотрели все общие и специальные отрицательные предложения в книге Айрис Мэрдок «*The Sandcastle*» [10] (1195 примеров на 206 страницах). Было установлено, что общие отрицательные предложения составляют 63% всех отрицательных предложений, встречающихся в книге.

Ниже приводится таблица, в которой показано соотношение употребления синтаксической словоморфемы *not* (*n't*) с различными вспомогательными глаголами в общих отрицательных предложениях, использованных в романе «*The Sandcastle*».

Как видим, *n't* и *not* употребляются в определенной последовательности, а именно: с настоящим временем, в основном, употребляется *n't* (Present — 34,5%, Past — 13%), а с прошедшим — *not* (Present — 12,5%; Past — 40,3%).

Это не является окончательным результатом. Необходимо исследовать произведения других английских и американских авторов.

to be	am not is not are not	2,7%	was not were not	12%
	isn't aren't	3%	wasn't weren't	1,5%
	'm not 's not 're not	4,6%	—	—
to do	does not do not	2%	did not	11%
	doesn't don't	16%	didn't	5,7%
to have	has not have not	0,6%	had not	8,5%
	hasn't haven't	5%	hadn't	2%
shall will should would	shall not will not	0,6%	should not would not	4%
	shan't won't	6%	should't wouldn't	2%
	'll not	0,4%	—	—
can could	can not cannot	0,8%	could not	4,8%
	can't	4%	couldn't	1,8%
must	must not	0%	—	—
	mustn't	0,3%	—	—
ought	ought not	0,5%	—	—
	oughtn't	0,1%	—	—
need	need not	0%	—	—
	needn't	0,1%	—	—

Список литературы: 1. Андреева О. П. Общие и специальные отрицательные предложения в современном английском языке.— «Вестн. Харьк. ун-та», 1975, № 128. Сер. «Иностр. языки», вып. 8, с. 3—6. 2. Булах Н. А. Средства отрицания в немецком литературном языке. Ярославль, 1962. 334 с. 3. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., Учпедгиз, 1938. 451 с. 4. Смирницкий А. И. Морфология английского языка. М., 1959. 620 с. 6. Bally Ch. Linguistique generale et linguistique francaise, Berne, 1944. 219 p. 7. Nyish B. A. The structure of modern English. L., 1971. 361 p. 8. Kruisinga. A. Handbook of Present—Day English, pt. II, 1932. 124 p. 9. Khaimovich B. S., Rogovskaya B. I. A course in English Grammar. M., 1967. 298 p. 10. Murdoch Iris. The Sandcastle. L., 1975. 216 p.

А. И. ГАВРИЛОВА

РЕЗУЛЬТАТЫ СТАТИСТИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКИ ЛЕКСИКИ ПЕРВОГО УРОВНЯ РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНОГО СЛОВАРЯ (РС) РУССКОГО ЯЗЫКА И СОПОСТАВЛЕНИЕ ДАННЫХ РС РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ

Эксперимент, который мы проводим на материале русского и французского языков, представляет собой сопоставление спортивной лексики двух языков при помощи метода структурно-вероятностного анализа. Результаты исследования лексики французского языка уже опубликованы нами [см. 3, 4, 5]. В данной статье исследуется лексика современного русского языка и одновременно сопоставляется лексика двух языков.

В основе эксперимента лежит статистическое исследование трех семантических уровней лексики. Первый уровень представлен десятью подязыками как в русском, так и во французском языках: проза, поэзия, драматургия, лингвистика, экономика, биология, химия, физика, математика, спорт; второй — пятью подязыками спортивной лексики: легкая атлетика, футбол, велоспорт, фехтование и горнолыжный спорт; третий — подязыком пяти видов легкой атлетики: бег, прыжки, метание, эстафета и десятиборье. По всем трем уровням будет составлен РС, по которому можно будет сравнивать лексику внутри уровня, а также в межуровневом и в межъязыковом отношениях.

При исследовании подязыка прозы были использованы произведения современных советских авторов: В. Кожевникова «В полдень на солнечной стороне», П. Проскурина «Судьба», Ю. Збитнева «Жизнь как жизнь», А. Ананьева «Годы без войны», П. Березко «Необыкновенные москвичи» и др. В работе над подязыком драматургии использовались произведения В. Лаврентьева «Чти отца своего», В. Чичкова «Необыкновенный диалог», А. Софронова «Дети мои, дети», Ц. Солодаря «Твой милый образ» и др. Стихи Р. Рождественского, Л. Татьянической, М. Дубина, С. Смирнова, Г. Некрасова, Е. Винокурова и других поэтов послужили материалом для исследования подязыка поэзии.

Весь исследованный текстовый материал первого уровня составляет 100 тыс. словоформ. Отбор слов в РС русского языка производился по тому же принципу, что и в словарь французского языка: имя существительное должно встретиться в пяти выборках из ста, глагол—в четырех, остальные части речи—в шести. По результатам отбора в словник РС русского языка было выписано 1663 слова (в словник РС французского языка—1594).

В таблице показано как распределились слова в обоих языках по пяти типам (согласно классификации Р. Н. Артемова) [2].

Таблица 1

Язык	Типы слов				
	V	II	IV	I	III
Русский	1163	362	102	35	1
Французский	1091	334	105	57	7

Итак, самый представительный — V тип. К нему относятся слова, имеющие тяготение к одним подъязыкам, отсутствующие в других и нейтральные по отношению к третьим.

При сопоставлении V типа русской и французской лексики мы видим, что несмотря на то, что в русском языке на 72 слова больше, распределение их по ступеням представленности [2] в процентном отношении изменений почти не претерпело (см. табл. 2) *.

Слов ступени Б (V тип) в русском языке 9, во французском — 7. Из них в русском языке 5 служебных слов, 2 наречия, 1 глагол и 1 существительное. Во французском — 1 служебное слово, 2 имени существительных и 4 наречия. Только одно слово — наречие *quand* (когда) встретилось и в русском и французском списках.

Таблица 2

Язык	Ступени представленности									
	А		Б		В		Г		Д	
		кол-во слов	%	Кол-во слов	%	Кол-во слов	%	Кол-во слов	%	
Русский	—	9	0,7	158	13,5	411	35,3	583	50,5	
Французский	—	7	0,6	127	12	419	38,4	538	49	

* Все лексемы в РС отнесены к той или иной ступени представленности в зависимости от их представленности в подъязыке. Таких ступеней пять. Обозначим их символами А, Б, В, Г, Д, А — представленность слова во всех ста выборках, Б — от 40 до 99, В — от 20 до 39, Г — от 10 до 19, Д — от 4 до 9.

Слов ступени В этого же типа в русском языке 158 (из них служебных слов — 12, имен прилагательных — 21, наречий — 19, глаголов — 39, имен существительных — 66); во французском языке — 127, (из них служебных слов — 16, имен прилагательных — 17, наречий — 15, глаголов — 32, имен существительных — 47). Как видно из приведенных данных и в русском и во французском языках в V типе преобладают имена существительные.

Вторым по количеству слов идет II тип распределения — 362 лексических единиц. Это слова относящиеся к конкретным подязыкам, например: существительное *водород* встретилось пять раз только в подязыке химии; прилагательное *грамматический* семь раз только в подязыке лингвистики; существительное *доход* — шесть раз в подязыке экономики. Глаголы *ждать*, *жить*, *плакать*, *нравиться*, *мучить*, *забывать*, имена существительные *жена*, *счастье*, встретились только в подязыках художественной прозы, поэзии и драматургии. Коррелятивная функция их — от двух и выше.

К IV типу принадлежат слова, имеющие отрицательную специфичность в одних подязыках и нейтральность в других (102 лексич. единицы). В сопоставительном плане этот тип отличается тем, что глаголов и прилагательных больше во французском языке, а наречий и служебных слов — в русском. Что касается имен существительных, то их одинаковое количество — 24.

К III типу относится только одно слово — *многие*, в то время как во французском списке их было семь.

Равномерно распределенных слов I типа в русском языке 35. Они составляют общую лексику первого уровня. Три слова (союз *и*, предлоги *в*, *с*) встретились во всех 100 выборках. Во французском языке союз *et*, соответствующий союзу *и* предлог *à*, частично соответствующий предлогу *в*, встретились во всех выборках. Предлог *avec*, соответствующий русскому предлогу *с* встретился в 86 выборках и, распределившись равномерно, попал в общую лексику (I тип). Остальные 32 слова распределились, в основном, в ступени Б. Например, глагол *быть* встретился в 94 выборках, предлог *на* — в 91, прилагательные *каждый* — в 54 и т. д. Два слова попали в ступень В (местоимение *меня* и прилагательное *полный*) и одно слово — в ступени Г — (глагол *отвечать*).

Для сопоставления результатов русского и французского РС приведем табл. 3, из которой видно соотношение между типом распределения и степенью представленности.

При сопоставлении лексики первого уровня русского и французского языков (табл. 3) видим, что, в основном, все слова попали в ступень Б. Что же касается распределения по частям речи, то имен существительных в обоих языках по одному (*время* — 71 и *пот* — 19). Это свидетельствует о том, что зна-

Таблица 3

Типы распределения	Ступени представленности				
	А	Б	В	Г	Д
V	—	9/7	158/127	411/419	585/538
II	—	—	1/2	1/12	360/320
IV	—	31/33	41/39	17/26	13/7
I	3/6	29/45	2/4	1/2	—
III	—	—/1	1/3	—/3	—

Примечание: В числителе приведены данные русского языка, в знаменателе — французского.

менательные части речи не могут быть распределены равномерно во всех подязыках. Интересны результаты сопоставления зависимости между типом распределения и ступенью представленности в русском и французском языках (табл. 3). В класс А вошли слова, встретившиеся во всех 100 выборках. В русском языке их 3 (союз *и*, предлоги *в*, *с*). Во французском — 6 (союз *et*, два предлога *à*, *de*, два артикля *le*, *un* и глагол *être*).

Во французском языке слов этой ступени больше, чем в русском, что связано с аналитизмом французского языка. По количеству слов в классе Б (русский язык) можно сделать выводы о том, что чем больше слово представлено, тем оно равномернее распределено [4]. Из 35 слов первого уровня 29, то есть 82,8% принадлежит этому классу.

Сопоставим ступени представленности слов в русском и французском языках (см. табл. 4).

Таблица 4

Язык	Ступени представленности									
	А		Б		В		Г		Д	
	кол-во слов	%	кол-во слов	%	кол-во слов	%	кол-во слов	%	кол-во слов	%
Русский	3	0,1	69	4,1	203	12,2	430	25,8	958	57,6
Французский	6	0,3	86	5,4	175	11	462	29	865	54,3

Из таблицы соотношений между типом распределения и частью речи (табл. 5) видим, что во II и V типах, в которых распределилась лексика контрастная и лексика смешанной специфичности, больше всего имен существительных. Служебные слова составляют большинство в I типе. Особенно ярко это выражено во французском языке, где из 57 слов — 34 служебные, что составляет примерно 60%. Такой большой процент служебных слов объясняется аналитизмом французского языка.

ка [6]. Как показали результаты исследования французской лексики служебные слова по их природе не могут распределяться контрастно. Однако есть некоторые исключения. В русском языке это слова *зачем, либо, словно, уж*, во французском — *me, toi, ça, voilà*.

Что касается наречий, то РС в лексике первого уровня русского языка (как и французского) их больше всего в V типе — 140. В IV типе, несильно поляризованном, их 18, во II — 5, в I — 2 и нет в III типе.

Таблица 5

Типы распределения	Части речи				
	Существительное	Глагол	Прилагательное	Наречие	Служебные слова
V	490/448	261/253	213/242	140/91	59/57
II	162/167	170/143	21/19	5/1	4/4
IV	24/24	20/31	16/22	18/17	24/11
I	1/1	4/7	3/7	2/8	25/34
III	—/1	—/2	1/1	—/1	—/2

Как и в РС французского языка имена прилагательные в РС русского языка имеют тенденцию к смещению в сторону контрастности. Если в первом типе их 3, то во втором — 21.

Глаголы еще более смещены в сторону контрастности. Во II типе их 170. Но это не значит, что все глаголы, попавшие в этот тип, являются терминами. Многие из них характеризуют тот или иной подъязык. В литературе по структурно-вероятностному анализу их называют характеристиками.

Работа по сопоставительному анализу русского и французского языков при помощи структурно-вероятностного будет продолжена на втором и третьем уровнях.

Список литературы: 1. Андреев Н. Д. Статистико-комбинаторные методы в теоретическом и прикладном языковедении. Л., «Наука», 1967. 403 с. 2. Артемов Р. Н. Подязыковая системность лексики и ее отражение в распределительном словаре. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1973. 19 с. 3. Гаврилова А. И. О результатах статистической обработки лексики первого уровня распределительного словаря французского языка. «Вестн. Харьк. ун-та», 1976, № 141. Сер. «Иностр. языки», вып. 9, с. 11. 4. Гаврилова А. И. Результаты статистической обработки материалов второго уровня распределительного словаря французской спортивной лексики. «Вестн. Харьк. ун-та», 1977, № 159. Сер. «Иностр. языки», вып. 10, с. 21. 5. Гаврилова А. И. О втором и третьем уровнях распределительного словаря спортивной лексики французского языка. — В кн.: Исследования по структурно-вероятностному анализу. Изд. Горьковск. гос. пед. ин-та им. М. Горького. 1976, с. 73. 6. Гак В. С. Сравнительная типология французского и русского языков. Л., «Просвещение», 1977. 280 с.

**О ВОЗМОЖНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ПРОБЛЕМНОСТИ
ПРИ ОБУЧЕНИИ ФОНЕТИКЕ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ.**

Задача обучения практическому владению иностранным языком в школе вызвала значительные трудности в методической работе учителей. Это обусловило необходимость пересмотра целей и задач преподавания иностранного языка в педагогическом вузе и привело исследователей к поискам возможных путей соединения обучения иностранному языку с овладением основными методическими навыками его преподавания [см.: 2, 7, 11]. В ходе проверки и доказательства предположения о возможности организации ранней профессиональной подготовки на основе практического курса фонетики [1] были проведены теоретическое исследование и разведывательный эксперимент, результаты которых анализируются в данной статье.

Традиционно практический курс фонетики включает в себя теоретический материал в объеме, необходимом для осознанного овладения произносительными навыками, и тренировочные упражнения на восприятие и воспроизведение звуков и интонационных структур изучаемого языка [6]. При реализации принципа ранней профессиональной фонетической подготовки на основе практического курса последний, очевидно, должен строиться в соответствии со структурой профессиональной деятельности преподавателя по этому аспекту и предполагать как неперемное условие: а) владение рецептивно-продуктивными навыками фонетического оформления речи; б) глубокое знание лингвистических и психолингвистических понятий в области звукопроизводства, восприятия речи, фонетической интерференции; в) владение методическими понятиями и практическими навыками обучения произношению представителей разных возрастных групп.

Помимо этого, он должен способствовать организации интеллектуальной деятельности по эффективному формированию обобщенных принципов, лежащих в основе творческого владения всеми аспектами профессиональной фонетической подготовки будущего преподавателя, т. е. элементов специального профессионального мышления, понимаемого нами как специфицированная система мыслительных операций, необходимая для разрешения специфической проблематики [6].

Решение этой проблемы возможно при организации таких учебных ситуаций, в которых стали бы субъективно значимыми отличительные признаки вводимого фонетического материала, позволяющие включить студента в более активную работу по овладению знаниями в соответствии с практическим курсом фонетики. Этого можно достичь на основе применения, наряду с традиционными, проблемных заданий, представляющих мето-

дическую трансформацию проблемности как универсального свойства мышления и являющихся эффективным методом повышения осознанности обучения на психологической основе реализации потребности обучающегося в саморегуляции интеллектуальных действий [7, 8].

Нами были разработаны проблемные задания, типология которых отвечает требованиям формирования профессиональной фонетической подготовки и включает задания, направленные на усвоение: а) закономерностей звукопроизводства; б) основных психолингвистических понятий в области фонетики, в) лингвистических понятий; г) основных методических понятий и представлений по обучению произношению.

Выполнение заданий первого типа направлено на повышение уровня осознанности при изучении работы органов речи и артикуляции звуков. Большинство заданий этого типа построено на применении наглядности. Ее выбор определяется отношением деятельности учащегося, в которой данный материал способен занять структурное место субъекта непосредственного действия, к деятельности, которая ведет к осознанию того, что нужно усвоить [11].

Глубокое понимание работы органов речи и закономерностей звукопроизводства — необходимое условие успешной работы по усвоению произношения и по выработке в дальнейшем методических навыков объяснения артикуляции звуков и коррекции произношения.

Приведем несколько примеров заданий этого типа.

Студентам предлагаются пары рисунков, на которых зафиксированы органы речи при произнесении того или иного звука. Рисунки сопровождаются вопросами. Например: 1. Проанализируйте способы образования этих русских звуков. 2. Что общего между этими звуками? 3. Какая разница между ними? Или: 1. Укажите основное различие в образовании этих звуков. 2. Какой из этих звуков английский, а какой русский? 3. Произнесите эти звуки. Цель заданий второго типа — усвоение основных психолингвистических понятий в области фонетики, умение оперировать которыми — необходимое условие формирования навыков коррекции произношения, определения поля фонетической интерференции. Они должны значительно повысить уровень осознанности овладения произношением. Например: 1. Как вы определите любую артикуляторную деятельность: а) сложную; б) простую. Обоснуйте свою точку зрения примерами. 2. Прокомментируйте с привлечением примеров изучаемых звуков английского языка следующее высказывание В. А. Виноградова «Моторные механизмы речи характеризуются фиксированными нервными трактами, в результате чего выработка новых звукотипов сопряжена со значительными трудностями чисто физического порядка» [3]. 3. Если принять за аксиому утверждение, что мы воспринимаем звуки иностран-

ного языка через «фонологическое сито» своего родного, то какая будет субституция для английских звуков [w] и [h].

На основе заданий третьего типа студенты вовлекаются в поисковую деятельность по усвоению лингвистических понятий в области фонетики. Большой удельный вес здесь занимают упражнения на усвоение системных лингвистических знаний, реализуемых просодическими средствами. Например: 1. Прокомментируйте следующее высказывание О'Коннора: «The tune we use adds something to the words» [10]. 2. Прослушайте ряд высказываний: You are a student. You are a student? и др. Чем вызвано изменение коммуникативного типа высказывания? Как вы можете определить одну из функций интонации на основании этих примеров?

Задания четвертого типа применяются при обучении студентов второго курса и, наряду с другими видами работы, направлены на выработку методических понятий по обучению произношению. Например: 1. С какой целью можно предложить ученикам это упражнение: hlt—hɔt; klt—kɔf? 2. Почему некоторые специалисты в области фонетики говорят о необходимости более усиленного тренажа интонационных и ритмических структур английского языка, чем звуков? 3. Проанализируйте запись речи ученика шестого класса. Отметьте ошибки в звукопроизводстве (фонетические, фонологические) и в интонационных структурах. Перечислите меры, которые вы бы предприняли для коррекции допущенных ошибок. 4. Допустим, что ученик заменяет английский звук [θ] русским [Т]. Будет ли это типичной ошибкой? Если да, то почему? Как ее предотвратить?

С целью апробирования разработанных проблемных заданий был проведен разведывательный эксперимент, в задачу которого входила проверка уровня усвоения теоретических знаний при проблемном и традиционном изложении темы. Эксперимент проводился двумя преподавателями в одинаковых условиях в четырех группах первого курса. В экспериментальных группах проблемные задания применялись не только при введении нового материала, но и в самостоятельной работе студентов дома.

Результаты показали, что при проблемном изложении и закреплении темы уровень усвоения в среднем выше на 0,9—1,0 балла. «Разброс знаний» в экспериментальных группах — значительно ниже, чем в контрольных. Полученные данные служат основанием для продолжения исследований.

Список литературы: 1. Бейдер Е. И., Гришко Н. Н. Некоторые проблемы обучения произношению в языковом вузе. — «Вестн. Харьк. ун-та», 1977, № 159. Сер. «Иностр. языки», вып. 10, с. 7—12. 2. Богуславская Г. П., Еренкова А. Н. Некоторые возможности оптимизации обучения. — В кн.: Методы обучения иноязычной речи. Минск, «Вышэйшая школа», 1973, вып. 3, с. 112—119. 3. Виноградов В. А. Лингвистические аспекты обучения языку. М., Изд-во Моск. ун-та, 1976, вып. 2. 62 с. 4. Леонтьева А. Н. Психологические вопросы сознательности учения. «Известия АПН РСФСР», 1947, вып. 7, с. 20. 5. Мах-

мутов М. И. Проблемы обучения, М., «Педагогика», 1975. с. 367. 6. Бородулина М. К. и др. Обучение иностранному языку как специальности. М., «Высшая школа», 1975. 263. с. 7. Соломатов К. И. О целях и задачах практического курса иностранного языка в педагогическом вузе. Учен. зап. Горьк. ин-та иностр. языков, 1973, вып. 56, с. 103—112. 2. Явнотан А. В. Формирование основ педагогического мастерства в учебной работе у студентов университета. Дис. на соиск. учен. степени канд. пед. наук, Л., 1974. 9. Языкова Н. В. Сборник задач по методике преподавания иностранных языков, Л., «Просвещение», 263 с. 10. O'Connor. «Better English Pronunciation». Cambridge Univ. Press, 1967. 178 p. 11 Teachtug of English as a Second Language. Their Training and Preparation. Cambridge Univ. Press. 1968. 233 p.

А. И. ДОРОДНЫХ, канд. филол. наук

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ УПОТРЕБЛЕНИЯ ФОРМ ПОВЕЛИТЕЛЬНОГО НАКЛОНЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В последнее время значительное распространение получили сопоставительные исследования, которые, несомненно, имеют большое теоретическое значение, так как помогают установить типологические особенности и сходства языков. С другой стороны, трудно переоценить и их прикладное значение, ибо знание различий позволяет преодолеть языковую интерференцию.

В отечественной лингвистике есть сравнительно большое число исследований, посвященных сопоставительному анализу некоторых явлений в английском и русском, немецком и русском, французском и русском языках. Гораздо меньше работ посвящено сопоставительному анализу систем этих языков [1, 5, 6, 7]. Но и эти исследования неодинаковы по глубине и методике анализа. А. И. Смирницкий исследует соответствующие категории английского и русского языков, их структурные и функциональные сходства и различия (главным образом структурные), причем не рассматриваются способы выражения значений, выходящие за пределы этих категорий. К. Г. Крушельницкая анализирует категории одного языка (немецкого) и совокупности форм выражения категориальных значений в другом (русском). Этот метод анализа применяется в теории перевода. Описание такого рода нельзя считать достаточными и полными, так как даже в одном языке значения могут передаваться разными способами. Поэтому наиболее интересным нам представляется метод исследования параллельных форм выражения одного назначения в двух языках, что позволяет более полно проанализировать сходства и различия сравниваемых языков [1, 2].

Количественный метод, который оказался столь плодотворным при сравнении вариантов одного языка, может быть не только полезным, но и необходимым и при сопоставлении отдаленно родственных языков, ибо даже они отличаются «не

столько номенклатурой элементов и типов выражения, сколько их употребительностью» [1, с. 15].

Нами задумано подобное исследование грамматических систем английского и русского языков. В настоящее время анализируются способы выражения в них модальных значений. Уже предварительные результаты показывают, что даже такая тщательно разработанная методика, которую мы находим у В. В. Гака, не является достаточной, и возникает необходимость введения дополнительных параметров, ибо выбор той или иной формы подчас в значительной мере зависит от социальных факторов.

Для иллюстрации рассмотрим способы выражения побудительности в английском и русском языках. В обоих самым распространенным способом называют формы повелительного наклонения [3, 4, 5, 13]. Действительно, в первую очередь привлекает внимание сходство функций повелительного наклонения в английском и русском языках. Так, выборки из общественно-политических текстов и из пьес современных авторов не обнаруживают значительных расхождений. Но автору данной статьи преподававшие в советских вузах англичане указывали на то, что, обращаясь в аудитории к студентам на английском языке, советские преподаватели злоупотребляют формами повелительного наклонения. В Англии в университетской аудитории редко можно слышать нечто вроде *Smith, go and fetch some chalk*, даже если за этим следует *please*. Во-первых, там не принято называть студентов только по фамилии, во-вторых, такая фраза звучала бы как приказ. Туристы-англичане также говорили о том, что они воспринимают инструкции гидов «Интуриста» как команды. Сходные мнения высказывают также авторы некоторых пособий. Они подтверждают, что иностранцам, даже неплохо владеющим английским языком, иногда кажется, что англичане любят выражать свои мысли окольными путями. Например, в ресторане, вместо того, чтобы сказать нечто вроде «Официант, я заказывал картофельное пюре, принесите, пожалуйста», англичанин скажет приблизительно следующее: «*Excuse me... I ordered creamed potatoes and I think you've forgotten about them. Would you mind bringing them?*» [12, с. 9]. Или пожилая англичанка может спросить у контролера: «*Excuse me, I'm so sorry to bother you but I wonder if you'd mind being good enough to tell me if this is the right train to Bromley, please!*» и получить ответ: «*Well, I'm sorry, but I'm afraid it isn't!*» [12, с. 11].

Наши информанты — американцы часто утверждали, что они говорят гораздо проще англичан, но предварительный анализ не показал существенных различий в употреблении средств выражения побуждения в двух вариантах английского языка. Так, А. Беллек [11], исследовавший речь преподавателей и школь-

ников в американских средних школах, пишет, что преподаватели избегают форм повелительного наклонения.

Опрошенные нами информанты (около 30 носителей английского языка из Англии, Австралии, США и Канады) единодушно утверждают, что форма повелительного наклонения прежде всего воспринимается как приказ. В официальной обстановке — на производстве или при обращении к незнакомым людям — носители английского языка избегают употребления форм повелительного наклонения. Лич и Свартвик [13] также пишут, что формы повелительного наклонения воспринимаются в первую очередь как команды и во многих ситуациях звучали бы невежливо, поэтому их часто смягчают с помощью *please* или *won't you*. Просьбы гораздо чаще облачают в форму вопроса, например: *Will you please pass the salt? Would you please pass the salt? Could you lend me your pen? Won't you come and sit down? I wonder if you'd mind giving me his address?* Или в деловых письмах: *I would be ver grateful if... I woulry appreciate it if... Would you kindly...* [13, с. 145—147].

Носители русского языка также имеют возможность облачать деликатно высказываемые или нерешительные просьбы или предложения в форму вопросов типа: *Не зайдете ли к нам? Не проводите ли меня?* Или употреблять сослагательное наклонение (но не в вопросе, как это делают англичане): *Зашли бы к нам* [3, с. 51].

Но, *зайдите, пожалуйста, к нам* также звучит довольно вежливо. Поэтому в русском языке повелительное наклонение в сочетании с *пожалуйста* и соответствующей интонацией может употребляться в любой обстановке. Это, пожалуй, и является причиной интерференции при говорении на английском языке. Кроме того, в русском языке повелительное наклонение имеет вежливую форму с *-те*, отсутствующую в английском, о чем должны помнить носители русского языка. По-видимому, очень редко русскому повелительному наклонению с *-те* в английском языке будет соответствовать форма повелительного наклонения за исключением приказов и тех случаев, когда мы побуждаем собеседника сделать что-либо для его же пользы, например: «*Have another chocolate*», «*Just leave everything to me*» [13, с. 146].

Анализ нескольких пьес на английском и русском языках не показал значительных расхождений в употреблении повелительного наклонения. Только в одной английской пьесе [10] герой избегает употребления форм повелительного наклонения при обращении к гостю, с которым он недавно познакомился, чье социальное положение выше, и от которого герой желает добиться некоторых услуг. В остальных случаях говорили друзья или члены одной семьи, поэтому может создаться впечатление, что носители английского языка чаще употребляют повелительное наклонение в условиях общения с близкими или

хорошо знакомыми людьми, т. е., когда они обращаются друг к другу не по фамилии, а по имени. Но вернемся к американским преподавателям и студентам. Несмотря на обращение друг к другу по имени, они все же избегают употребления повелительного наклонения. Следовательно, социальный статус является более сильным. По свидетельству информантов, даже близкие между собой люди употребляют повелительное наклонение главным образом в условиях дефицита времени или в минуты опасности.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что в описанных случаях нормы речевого поведения тесно связаны с нормами социального поведения и не могут быть достаточно полно описаны в отрыве от последних.

Список литературы: 1. Гак В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков. Л., «Просвещение», 1977. 300 с. 2. Гак В. Г., Ройзенблит Е. Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М., «Высшая школа», 1965. 378 с. 3. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык, ч. 2, синтаксис. М., Учпедгиз, 1961. 344 с. 4. Грамматика современного русского литературного языка. М., «Наука», 1970. 767 с. 5. Крушельницкая К. Г. Очерки по сопоставительной грамматике немецкого и русского языков. М., Изд. лит. на иностр. яз., 1961. 265 с. 6. Смирницкий А. И. Очерки по сопоставительной грамматике русского и английского языков. М., «Высшая школа», 1970. 265 с. 7. Федоров А. В., Кузнецова Н. Н. и др. Немецко-русские языковые параллели. М., Изд. лит. на иностр. яз., 1961. 8. Хаймович Б. С., Роговская Б. И. Теоретическая грамматика английского языка. М., «Высшая школа», 1967. 298 с. 9. Ярцева В. Н. О сопоставительном методе изучения языков. — «Филол. науки», 1960, № 1, с. 3—15. 10. Ayckbourn A. Absurd Person Singular. London, Samuel French, 1974. 72 p. 11. Bellack A., a. o. The Language of the Classroom. N. Y., Columbia University, 1966. 274 p. 12. Haycraft J., Haycraft B. George and Elvira. Conversations in English. London, Evans Bros Ltd., 1972. 100 p. 13. Leech G., Svartvik J. A Communicative Grammar of English. London, Longman, 1973. 324 p.

Ю. Ф. ЕЩЕНКО, канд. филол. наук

К ВОПРОСУ ОБ ИМПЛИЦИТНОЙ НОМИНАЦИИ В СИНТАКСИСЕ РАЗГОВОРНОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Проблема номинации является одной из основных проблем современного языкознания. «Познание закономерностей номинации влечет за собой более глубокое понимание роли человеческого фактора в языке, раскрытие функционального взаимодействия всех участков системы и структуры языка, поскольку языковая техника призвана обеспечивать реализацию мыслительно-коммуникативных потребностей и намерений человека. Отсюда — актуальность проблем, связанных с процессом и результатами обозначения и подлежащих решению, прежде всего, в теории языковой номинации» [5, с. 13].

Количество способов номинации не безгранично, они объединяются в определенные типы. По характеру отражения внеязыковой действительности номинацию можно подразделить на два основных типа: прямую и косвенную. При прямой номинации элементы отображаемой действительности получают прямое вербальное языковое оформление. Специфической чертой косвенной номинации является неспособность языковых единиц отражать внеязыковые объекты как автономно существующие в пространстве и времени. Отсюда — несамостоятельность номинативной функции таких словесных знаков и их соотнесение с действительностью только в рамках определенного номинативного контекста. Следствием этой специфичности является связанность значений, сформировавшихся в процессе косвенной номинации, а также неспособность служить «доминантой» синонимического ряда или выступать в качестве базы для отражения новых объектов [5, с. 91]. При косвенной номинации нарушается изоморфизм между структурой выражаемого события и языковой организацией высказывания. Одним из случаев косвенной номинации является номинация имплицитная, при которой элементы внеязыковой действительности не получают словесного оформления в высказывании. Способы имплицитного отображения действительности разнообразны и вместе составляют единую систему.

В современной лингвистике нет единой трактовки понятия имплицитности. Имплицитными считают различные явления как лингвистического, так и нелингвистического характера [см. 4, с. 20—33]. Имплицитность как особый способ отражения действительности — проявление одного из основных законов языковой системы — закона экономии [см. 1, с. 35—39]. Экономия грамматических средств достигается путем перевода в импликацию компонентов предикативной единицы или импликацией самих предикативных единиц. Поэтому всякая экономная структура — имплицитна. Справедливо и обратное утверждение — всякая имплицитная единица — экономна, т. е. эти два явления взаимозависимы.

Проблема имплицитности исследуется в специальной работе Е. Н. Стариковой [см. 4]. Имплицитные структуры автор называет некомплектными. Под комплектными структурами понимается полное выражение компонентом ситуации; некомплектными называются структуры с неполной поверхностной реализацией конституентов глубинной структуры [4, с. 38]. Предметом исследования в указанной работе являются некомплектные грамматически полные предикации. Этот тип имплицитных структур объединяет в одну группу два основных признака: 1) в импликации остаются преимущественно единицы модального плана, а также структуры, имеющие характер дополнительного сообщения, сопутствующего основному эксплицитно выраженному суждению; 2) имплицитные предикаты не выхо-

дят на поверхностный уровень в виде вариантов соответствующих эксплицитных структур.

Например, адвербиальный лексический индикатор в своей структуре содержит две семы: а) наличие действия (состояния, качества) в данный момент; б) наличие предшествующего действия (состояния, качества). Эти значения присутствуют в слове *again* независимо от контекста. Предложение *He is here again* в семантической записи имеет форму: *He was here again* и *He is here now*.

Имплицированные семантические предикаты в пределах микроконтекста никогда не эксплицируются. В некоторых случаях в макроконтексте могут встречаться предложения, выражающие действие, предшествующее другому действию, содержащему индикатор *again*. Вот пример из работы Е. Н. Стариковой: *She tapped lightly on the glass door, and instead of touching the pneumatic door — opener he looked down at his fingernails and pretended to polish them on his trousers and held up his hands as though he were seriously contemplating the fact of the polishing. Mary tapped again* [4, с. 52]. Лежащие в основе предложения *Mary tapped again* семантические предложения *Mary tapped before + Mary tapped then* не полностью идентичны первому предложению *She tapped lightly on the glass door*, так как они не включают качественную характеристику действия. Поэтому первое предложение нельзя считать вышедшим на поверхность семантическим предложением, вариантом поверхностно структуры. Следовательно, имплицитные структуры этого типа можно назвать потенциальными или статическими номинациями в отличие от тех структур, которые могут выходить на поверхностный уровень при определенных условиях. В таких случаях вышедшие на поверхностный уровень семантические предложения являются вариантами соответствующих эксплицитных предложений. Этот тип имплицитных номинаций назовем актуализируемым или динамическим.

Примером может служить предложение, в котором имплицитная структура сигнализируется словом *yes*:

— *Tell Miss Foster I send her my best congratulations — Can you remember that?*

— *Yes, Ma* [10, с. 29].

Имплицуемая во второй реплике повторная номинация в семантической записи имеет форму: *I can remember that*. Семантическое предложение выходит на поверхностный уровень, если необходимо передать эмоционально-оценочную характеристику действия, усилить или выделить его, придать большую весомость и т. п. Таким образом, актуализируемое и глубинное семантические предложения являются вариантами и различаются лишь оттенками значения: первое — экспрессивно, второе — нейтрально.

Итак, по функциональному признаку имплицитные номинации можно подразделить на два основных типа: а) потенциальные или статические и б) актуализируемые или динамические.

Второй тип имплицитных номинаций очень разнообразен и наиболее полно представлен в разговорной речи в силу ее специфического характера. «Для импликационных особенностей разговорной речи решающее значение имеет ее динамическое строение. Участники диалогического речевого общения даже в условиях психологического антагонизма не просто обмениваются репликами, а совместно творят текст, фактически трактуя высказывание собеседника как часть своего собственного» [3, с. 422]. Употребленные в речи, а также ожидаемые языковые элементы «создают своеобразное психолингвистическое поле, своего рода психическую цепь потенциального присутствия. Элементы распределяются по речевой цепи; часть их является общей для нескольких чередующихся высказываний даже при том условии, что они не повторяются в каждом из высказываний» [3, с. 421].

Говоря об импликационной специфике синтаксиса разговорной речи, Ю. М. Скребнев описывает в основном экспрессивные структуры с субъектно-оценочным значением типа: *Don't I tell you I'm bringing you business?* (имплицитная структура — *I tell you I'm bringing you business*).

— *Don't I remember!* (имплицитная структура — *I remember*).

— *As if I ever stop thinking about the girl* (имплицитная структура — *I never stop thinking about the girl*).

Предложения этого типа должны быть предметом специального изучения в стилистическом (экспрессивном) синтаксисе, так как в стилистическом синтаксисе действуют несколько иные законы, чем в нормативном. Для выражения субъектно-эмоционального отношения говорящего в экспрессивном синтаксисе происходит переосмысление некоторых типов конструкций нормативного синтаксиса, что носит типизированный характер. Действие принципа: экономия $\rightleftharpoons$ имплицитность здесь часто нарушается. Так, в приведенных выше примерах экспрессивные поверхностные структуры являются более избыточными, чем лежащие в их основе имплицитные структуры (имеется в виду избыточность количественная), т. е. имплицитность $\rightleftharpoons$ экономия.

Некоторые типы экспрессивных конструкций, в частности, нексус отклонения остаются экономными: *Me a thief!* (имплицитная структура — *I am not a thief!*). *George a collector!* (имплицитная структура — *George is not a collector*).

Имплицитная специфика нормативного разговорного синтаксиса современного английского языка упоминается в целом ряде работ, однако систематически еще не исследовалась. Импликация на уровне предложения может развиваться по линиям:

категорий времени и наклонения (в процессе номинализации предикативных единиц); компонентов предикативной единицы — строевых и знаменательных; целой предикативной единицы (или единиц). Имплицированное число языковых категорий времени и наклонения не затрагивает сигнификативную сферу и относится к системе языка. Что же касается строевых компонентов — союзов в структурах гипотаксиса, то их импликация возникает только в речи. Поэтому она обязательно должна учитываться при системном анализе соответствующей специфики разговорного языка.

Импликация компонентов предикативной единицы или самих предикативных единиц в речи происходит с тем, чтобы избежать повторной номинации одних и тех же событий. В некоторых случаях она наблюдается в пресуппозициях (о различных трактовках понятия пресуппозиции см. 4, с. 29—32). Соответственно имплицитные номинации можно подразделить на два основных вида: 1) повторная номинация; 2) опосредствованная номинация.

Повторная номинация включает различные типы структур, которые на глубинном уровне различаются по лексическому составу и семантике. На поверхностном уровне каждый из этих типов сигнализируется определенными маркерами, что дало возможность выделить 2 подвида повторной номинации. Первый подвид на поверхностном уровне представлен анафорическими словами. Назовем его конденсированной номинацией, так как одно анафорическое слово является наименованием ситуации, словесно выраженной предложением в предшествующем микро- или макроконтексте:

- You are young at 30.
- I hope so [8, с. 239].
- If he overcomes you it won't be your fault.
- I know it [6, с. 106].
- You won't ever speak with them about it?
- You can be sure of that [8, с. 177].

Второй подвид имплицитной повторной номинации составляют случаи, когда импликация достигается либо за счет опущения повторяющихся компонентов предикативной единицы, либо повторяющихся предикативных единиц. Этот подвид назовем непрямой имплицитной номинацией. Здесь можно выделить 3 группы структур.

Первую группу составляют номинации, которые сигнализируются на поверхностном уровне нулем. Процесс перевода в импликацию не является произвольным, полная импликация предикативной единицы и представление ее нулем возможна в структурах гипотаксиса. Главное предложение может импли-

цироваться в сложных предложениях с придаточными времени, причины, условия:

- You went to the spare room for the rest of the night.
- Because your father's snoring was driving me crazy [8, с. 37].
- You will join them later on, no doubt.
- If my public engagements permit me [9, с. 107].

Если главное предложение отрицательно, то на поверхностном уровне остается отрицание *not*:

- So it's not the crime of passion?
- Not, if you put it like that [6, с. 210].

Имплицирование придаточного предложения возможно лишь в придаточных дополнительных, вводимых словами *why, when, where, what*:

Имплицированные отрицательные дополнительные предложения представлены отрицанием *not*: — I assure you I was horribly deceived in Earnest. — Oh, I hope not, dear [9, с. 221]. (Подробнее об импликациях компонентов в структурах гипотаксиса см. 1, с. 39—45).

Вторую группу составляют структуры, которые сигнализируются на поверхностном уровне союзами *or* и *but*:

- Where did you say went to Mass to-day, dear?
- I didn't, Aunt Teresa.
- But it's a Holiday of Obligation, dear [7, с. 13].

Развернутый вариант последнего предложения имеет форму: But you should have gone to Mass, dear, because it's a Holiday of Obligation.

В поверхностной структуре выражен лишь один из компонентов причинно-следственного отношения, а именно, компонент, выражающий причину. Don't go on saying that over and over again or you will drive us all as distracted as you are yourself [6, с. 40].

Союз *or* сигнализирует о наличии на глубинном уровне семантического предложения, выражающего причину действия: if you go on saying that over and over again you will drive us all ...

Третью группу составляют имплицитные структуры, представленные на поверхностном уровне словами *yes/no*:

- We don't seem able to avoid unpleasant topics, do we?

- No [8, с. 98].
- You'll be lonely.
- Yes, but not for parties [8, с. 145].

Семантическая запись поверхностных предложений с индикаторами *yes/no* полностью совпадает с поверхностными предложениями первых реплик.

Второй тип имплицитных номинаций — опосредствованная номинация — немногочисленен. Он сигнализируется на поверхностном уровне фразеологическими сочетаниями типа *I am sorry, thanks, sorry*.

- Mass was said for your mother his morning.
- Oh, I am sorry. I didn't know [7, с. 8].

Предложение *I am sorry* имплицитно предположение *I didn't health*.

Имплицитируемое предложение не является повторной номинацией, оно восстанавливается из микроконтекста.

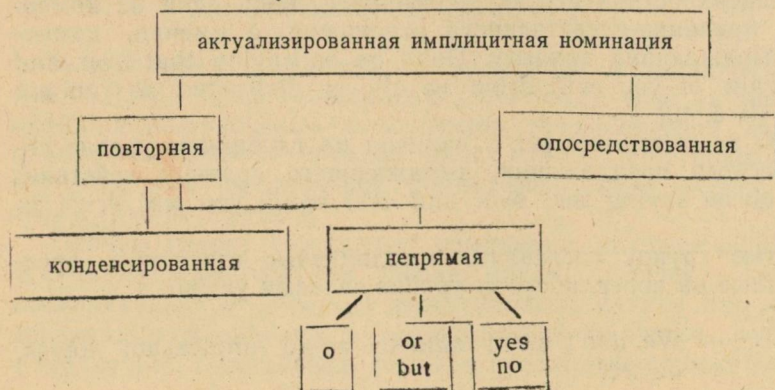
- Oh, it's right glad we are to see your honor back again and looking the picture of health.
- Thank you, Mrs. O'Flaherty [6, с. 24].

Имплицитная структура в семантической записи имеет, вероятно, вид: *Thank you for saying that*.

Часто структуры, содержащие указанные выше фразеологические сочетания, не являются имплицитными, если после них следуют уточняющие предложения: *Sorry coffee was late* [8, с. 138].

Из двух описанных типов имплицитной номинации наибольшую важность и интерес представляют повторные имплицитные номинации как явления, присущие разговорному английскому языку как аналитическому. Опосредствованные имплицитные номинации можно считать универсальными, так как они употребляются во всех языках.

Система актуализированной динамической имплицитной номинации имеет следующий вид:

Знак 0 означает те структуры, в которых имплицитность сигнализируется на поверхностном уровне нулем.

Описанные виды имплицитных структур не исчерпывают все случаи имплицитного отражения ситуации. В данной статье были вкратце описаны лишь случаи, когда имплицитная номинация события происходит на уровне предложения. Имплицитная номинация ситуации и ее компонентов возможна и при помощи конструкций, которые в результате определенных трансформаций были переведены с уровня предложения на уровень словосочетания. Имеются в виду конструкции, образованные в результате трансформации номинализации предикативных единиц типа *приезд сестры* — *приехала сестра*, а также конструкций, полученные в результате свертывания придаточного предложения и замены его обстоятельственными словосочетаниями (выражающими место действия): *Я видел Петра, когда был в театре* — *Я видел Петра в театре*. Этот тип имплицитных номинаций должен быть выделен в отдельный, третий, тип (первый тип — потенциальные номинации — описан Е. Н. Стариковой).

Список литературы: 1. Ещенко Ю. Ф. К вопросу об экономии в системе языка. — «Вестн. Харьк. ун-та», 1977, № 142. Сер. «Иностр. языки», вып. 10, с. 35—39. 2. Ещенко Ю. Ф. Структура сложного предложения в стиле разговорной речи в современном английском языке. — «Вестн. Харьк. ун-та», 1977, № 142. Сер. «Иностр. языки», вып. 10, с. 39—45. 3. Скребнев Ю. М. Общелингвистические проблемы описания синтаксиса разговорной речи. Дис. на соиск. учен. степени д-ра филол. наук, Горький, 1971. 550 с. 4. Старикова Е. Н. Имплицитная предикативность в современном английском языке. Киев, Вища школа, 1974. 141 с. 5. Языковая номинация. М., «Наука», 1977. 358 с. 6. English One-Act Plays of Today, Oxford University Press, London, Toronto, 1962. 151 p. 7. Greene Gr. Three Plays, Mercury Books, London, 1962. 237 p. 8. Three American Plays. M., Progress Publishers, 1973. 381 p. 9. Wilde O. Plays. M., Foreign Languages Publishing House, 1961. 360 p. 10. Wilder Th. N. Plays, Penguin Books, London, 1968. 281 p.

В. Н. МОЛОДЕЦ

КРАТКИЙ РУССКО-НЕМЕЦКИЙ СЛОВАРЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ, ИЗДАНЫЙ В ГДР

Интенсивная разработка теоретических основ языкознания и потребности практики межкультурного общения государств способствовали появлению в СССР и за рубежом специальных словарей лингвистических терминов.

Рецензируемый в нашей статье словарь [см. 5] составлен коллективом авторов из Советского Союза и Германской Демократической Республики (В. Д. Виноградовым, М. Хумсом и Р. Цинеккером) под руководством Центральной специальной комиссии по русскому языку при Министерстве народного образования и Министерстве высшего и среднего специального образования ГДР.

Анализ показывает, что в данном учебном пособии, как его называют сами авторы, насчитывающем 1 890 терминологических единиц, представлена терминология следующих лингвистических дисциплин: общие разделы языкознания — 195 терминов, фонетика — 318, грамматика (морфология и синтаксис) — 855, письмо и правописание — 45, лексикология — 382, стилистика — 95 терминов.

Точный подсчет терминов по разделам вызывает затруднения, поскольку некоторые из них могут быть одновременно отнесены к двум разделам лингвистики — грамматике или лексикологии (корневая морфема, несклоняемое слово, префикс, суффикс), лексикологии или стилистике (внутренняя речь, диалог, монолог), общему языкознанию или орфографии (буква, графика, диакритический знак), общему языкознанию или лексикологии (лексикография, этнография) и т. п. Конечно, можно было бы и более детально классифицировать термины по отдельным отраслям языкознания, однако для такого сравнительно небольшого словаря это вряд ли имеет смысл.

Словарь предназначен для улучшения эффективности преподавания и изучения языкознания, а также для сознательного практического овладения русским языком: чтения в оригинале литературы по всем разделам языкознания (учебников, монографий, статей в специальных журналах и т. д.), проведения устных и письменных занятий, а также семинаров и экзаменов по русистике [см. 5, с. 3].

В словарь включены лингвистические термины из учебников по русскому языку для вузов Советского Союза и ГДР. Его картотека была сверена по словарям О. С. Ахмановой [см. 1] и Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой [см. 3], из которых в него также вошло некоторое количество терминологических единиц. Немецкие эквиваленты были сверены по словарю Р. Конрада [см. 4].

Составители словаря не толкуют термины, а лишь дают их перевод с русского языка на немецкий язык, являющийся родным для читателей, что и объясняет некоторые особенности построения словаря, например, отсутствие артикля в немецкой части или наличие ударения в русских словах. В случае необходимости толкования того или иного термина авторы рекомендуют обращаться за справками к упомянутому выше словарям.

Если же в языке перевода не имеется какого-либо эквивалента русского термина, то в словаре помещается его краткая дефиниция, например: интеръективация — *Übergang in die Wortart Interjektion*; осложненное простое глагольное сказуемое — *einfaches verbales Prädikat, das durch Partikeln oder durch bestimmte andere Verbalformen erweitert ist*.

На наш взгляд, в этих случаях следовало бы все же давать немецкий эквивалент термина в виде иноязычного заимствования (например, *Interjektionierung*) или в виде соответствующей кальки, что, кстати, сделано авторами в некоторых случаях (например: количественно-именное сочетание — *Quantitätsfügung*; цельнооформленность — *ganzheitliche Geformtheit*). При переводе же термина «примыкание» составители ограничились латинским дублетом «*Adjunktion*» и дали в скобках объяснительный перевод — *Unterordnung ohne formale Kennzeichen*, тогда как давно существует германизованный эквивалент «*Anschliebung*». Спорадические толкования терминов в скобках помещать не следует, поскольку это нарушает структуру данного словаря: ведь он задуман не как толковый, а как чисто переводной. Кроме того, в практической работе можно оперировать только терминами, а не пояснениями к ним.

Достоинством словаря является то, что некоторым русским терминам соответствуют идиоматические немецкие эквиваленты, а не поэлементный перевод, например: состав подлежащего — *Subjektsgruppe*, состав слова — *Aufbau des Wortes*, способ (глагольного) действия — *Aktionsart*, способ образования (шума) — *Artikulationsmodus*. Считаем также удачным использование в словаре в русских словах знака ударения и диакритического знака «...» в букве «ё», что, несомненно, способствует правильному произношению данных слов.

К сожалению, «Краткий словарь лингвистических терминов» содержит ряд существенных недостатков, основным из которых является то, что в словаре, как правило, не приводятся даже самые употребительные русские и немецкие синонимы терминов. Так, «гласный» переводится только как «*Vokal*», «согласный» — как «*Konsonant*». Все части речи, за исключением числительного и частицы, переводятся лишь греко-латинизмами, хотя соответствующие кальки весьма употребительны и, кроме того, легко разместились бы на одной строчке с заимствованными словами. Правда, некоторые русские лингвистические термины передаются в немецком языке дублетами (например: сочетаемость слов — *Fügungspotenz der Wörter*, *Verbindbarkeit der Wörter*; утверждение — *Affirmation*, *Bejahung*), но этот прием используется очень редко и довольно бессистемно. Скажем, термин «правописание» переводится калькой «*Rechtschreibung*» и грецизмом «*Orthographie*», а термин «орфография» — только грецизмом.

Синонимичные русские термины (если словарь приводит таковые) не снабжены взаимными отсылками, отчего их синонимичность можно определить лишь по одному и тому же немецкому эквиваленту путем тщательного анализа всего словаря, как, например, в наименованиях гласольного вида: «вид», «совершаемость», «способ глагольного действия», которые переводятся в словаре на немецкий язык в первом случае латиниз-

мом «Verbalaspekt», а в остальных двух — немецкой калькой «Aktionsart».

Полагаем, что словарь только выиграл бы, если бы в нем систематически приводились дублетные пары — этот основной вид синонимов лингвистических терминов. Ведь ориентация читателя исключительно на интернационализмы далеко не всегда отвечает истинному словоупотреблению на практике [см. 2]. Например, наряду с терминами на греко-латинской основе в обоих языках сосуществуют не менее употребительные кальки на национальной основе, в том числе и упомянутые в анализируемом нами словаре: композита — сложное слово, Kompositum — zusammengesetztes Wort; лабиальный согласный — губной согласный, labialer Konsonant — Lippenlaut.

Недостатком словаря является, на наш взгляд, и то, что он построен не по алфавитно-гнездовому принципу, а только по алфавитному, причем даже терминологические словосочетания размещены по своему первому слову, а не по опорному. А ведь известно, что именно в русско-иноязычных словарях гнездовое построение дает возможность широкого обзора целой группы родственных терминов. Вследствие этого, например, на с. 83 на слово «союз» упомянуты только два вида союзов — «союз» и «сочинительный союз», остальные же виды (насколько они вообще имеются в словаре), например, «причинный союз», «противительный союз», попали в другие места словаря. В словаре имеются 23 наименования разновидностей гласных звуков, однако они разбросаны по всему корпусу словаря и их отыскание требует не только много времени, но и знания их точного наименования, чего не всегда можно ожидать от читателей. В результате произведенного нами более точного подсчета обозначений гласных звуков [см. 2] установлено свыше ста терминов и их синонимов. В рецензируемый словарь не вошли такие важные термины, как: гласный корня, гласный полного образования, двухтембровый гласный, долгий гласный, краткий гласный, конечный гласный, напряженный гласный, начальный гласный, ненапряженный гласный, неопределенный гласный, неслоговой (неслогообразующий) гласный, одноморный гласный, опорный гласный, ослабленный гласный, полудолгий гласный, ртовый (ротовой) гласный, светлый (яркий) гласный, скользящий гласный, слоговой (слоγοобразующий) гласный, сложный гласный, средний (срединный) гласный, темный (тусклый) гласный, удвоенный (сдвоенный) гласный, узкий гласный, чистый гласный, шепотный гласный, широкий гласный, эйективный гласный. Кроме того, в словаре не упоминаются синонимы даже приведенных 23 названий русских и немецких гласных звуков.

Если авторы считают, что рамки словаря не позволили им поместить большее количество терминологических единиц, в том числе и названий гласных, то это не совсем соответствует действительности, поскольку в словаре имеется немало слов, со-

вершенно не относящихся к лингвистической терминологии, например: аннулированность результата, арбитражность, взаимосвязанность, внутренний предел, возможность, гибкая структура, инициалы, интегральный признак, констатация обобщенного факта, логическая завершенность, наглядно-примерное значение, невозможность, несоответствие, основная единица, отношение, отражение, предел, предостережение, противоположенность, противопоставление, разновидность, соотношение, сопоставляемые части, справочник, структурная соотнесенность и много других. Излишними являются также приводимые авторами краткого словаря редко употребительные лингвистические термины или их варианты, вроде «словорасположение», да еще без ссылки на основной синоним «порядок слов».

Некоторые термины повторяются в словаре дважды — без словесного окружения и с минимальным контекстом, например: «переносное значение — переносное значение слова», «русский язык — современный русский язык». Упоминание терминов с микроконтекстом представляется нам более целесообразным, поскольку в этом случае можно при надобности легко вычленить соответствующий термин без микроконтекста.

Авторы словаря проводят принцип комбинированной подачи двух составных терминов, но делают это подчас неправильно. Так, сочетание «категория одушевленности / неодушевленности» переведено в словаре как «Kategorie der Belebtheit / Unbelebtheit (Beseeltheit)». Как видим, составители по ошибке не поместили в переводе немецкий термин «Unbeseeltheit». Вследствие того, что в словаре в подобных случаях на первое место ставится слово или словосочетание в утвердительной форме, а потом в отрицательной, иногда не выдерживается алфавитный порядок подачи терминов. Так, слово «одушевленность» помещено перед словом «неодушевленность». К слову сказать, алфавитный порядок не выдерживается и в некоторых других случаях: скажем, термин «состав» расположен в словаре после терминов «составляющая», «составной» и прочих от него производных.

Статья «существительное общего рода» — Substantiv zweierlei Geschlechts, Genus составлена таким образом, что можно понять, будто немецкий эквивалент «Genus» означает «существительное общего рода», поскольку первая часть термина «Substantiv» в переводе не повторяется. Подобная «экономия места» в словаре без выделения повторяемых слов особыми графическими средствами (с помощью специальных шрифтов или тильды) недопустима, так как она приводит к недоразумениям, что в словарном деле особенно нежелательно. Аналогичный случай наблюдается, например, в статье «номинативная функция — nominative, Nennfunktion».

Коротко остановимся на более мелких недочетах. Термин «место образования» дополняется составителями словаря в скоб-

ках словом «шума» и переводится на немецкий язык термином «Artikulationsstelle». Как видим, в немецком эквиваленте не имеется указания на шум. Для лучшей привязки термина к лингвистическому микронтексту лучше было бы дать в скобках не слово «шума», а слово «звука», поскольку он обозначает место артикуляции любых звуков; как гласных, так и согласных, как с наличием шума, так и при его отсутствии.

Термин «мягкое небо» переведен в словаре синонимами «Velum, weicher Gaumen, Gaumensegel». Следовало бы указать в этом случае еще и на синоним «Hintergaumen» как на весьма употребительный.

В немецкой части словаря отсутствует упоминание рода. Так как словарь предназначен для немцев, то упоминание артикля нельзя считать обязательным, особенно при подаче существительных в именительном падеже без определения, однако мы полагаем, что все же лучше было бы приводить при изолированных существительных сокращенное обозначение их грамматического рода, а именно: m, f, n, например: Hauptsatz, m; Mundart, f; Wurzelmorphem, n, а в словосочетаниях ставить определенный или неопределенный артикль или опускать артикль в зависимости от контекста, по общеизвестным грамматическим правилам, например:

- м. р. der linguale Redekontext, der ostslawische Wortschatz, ein nasaler Sonorkonsonant, ein weiter Vokal;
- ж. р. die affixlose Wortverbindung, die antonymische Bedeutung, eine aktuelle Frage, eine amorphe Sprache;
- с. р. das grammatische Subjekt, das Kernwort einer Wortfügung, ein präfigiertes Verb, ein zweisprachiges Wörterbuch;
- нул. арт. ein Attribut in Nachstellung,
ein Satz mit vollständiger Negation,
- мн. ч. die aktiven Sprechorgane,
variable Satzformen.

Таким образом, терминологические сочетания (составные термины) непременно следовало бы приводить с артиклем, поскольку это отвечает реальному словоупотреблению. В результате систематического внедрения этого метода читатель получал бы в словаре готовые формулировки.

На с. 88 авторы отступают от своего собственного принципа использования артикля в словаре и употребляют в полной форме артикль при простом термине «транскрибирование» — das Transkribieren. Считаю это совершенно нецелесообразным по изложенным выше причинам. Одновременно заявляем, что упоминание в словаре субстантивированных инфинитивов в качестве терминов излишне, поскольку этот способ словообразования наиболее легкий и может быть использован исключительно широко. В немецком же языке может быть субстантивировано любое слово любой части речи. Вот почему подача субстанти-

виrowанных форм приведет к загромождению словаря вариантами терминов, вроде Transkription — Transkribierung — Transkribieren. Упоминание вариантов уместно и даже необходимо лишь в большом словаре лингвистических терминов [см. 2, с. 69] или в словаре по какому-либо узкому разделу языкознания, например, в словаре фонетических терминов. Поскольку же рецензируемый словарь является кратким, то незачем приводить в нем варианты, такие, как, скажем, «устойчивое сочетание слов — устойчивое словосочетание».

Термин «старинное слово», приведенный в словаре на с. 84, не обязательно является «архаизмом» («Archaismus»), как его толкуют авторы; «старинное слово» может быть по своему стилю и нейтральным, но исконным (старинным) по происхождению. Считаем поэтому, что более правильным его эквивалентом является немецкий термин «Erbwort».

В словаре имеется ряд опечаток в русском и немецком текстах, например, на с. 7, 9, 13, 32, 50, 72.

В целом можно сказать, что выход в свет «Краткого русско-немецкого словаря лингвистических терминов» представляет собой положительное явление, так как в нем впервые предпринята попытка собрать русскую терминологию по нескольким аспектам языкознания и дать ее эквиваленты на немецком языке.

Однако словарь содержит целый ряд досадных недочетов, устранение которых намного повысило бы его ценность как учебного и справочного пособия. Одновременно было бы целесообразно значительно расширить реестр словаря за счет более детализированной подачи терминов по основным отраслям языкознания, изучаемым на филологических факультетах и факультетах иностранных языков высших учебных заведений Советского Союза и стран немецкого языка. Думаем, что учет замечаний нашей рецензии будет способствовать улучшению качества данного словаря при его переиздании.

Список литературы: 1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., «Советская энциклопедия», 1966. 606 с. 2. Молодец В. Н. О некоторых принципах составления русско-немецкого словаря лингвистических терминов. — «Вестн. Харьк. ун-та», 1976, № 141. Сер. «Иностр. языки», вып. 9, с. 61—66. 3. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Справочник лингвистических терминов. М., «Просвещение», 1972. 495 с. 4. Kleines Wörterbuch sprachwissenschaftlicher Termini. Herausgeber R. Conrad. Autoren — B. Bartschat, R. Conrad, W. Heinemann, G. Richter, A. Sfeube. VEB Bibliographisches Institut Leipzig, 1975. 306 S. 5. Terminkatalog. Verzeichnis sprachwissenschaftlicher Termini. Russisch-deutsch. Zusammengestellt von V. D. Vinogradov, M. Humpun R. Zinecker. Wissenschaftlich-technisches Zentrum der Pädagogischen Hochschule «Karl Liebknecht», Potsdam, 1976. 96 S.

К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ ТРЕХЧЛЕННЫХ ДИАЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНСТВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

За последние годы написано много работ, посвященных исследованию диалогических единств в разговорной речи на базе русского [9], английского [4, 6] и французского [8] языков. Решаются общие и частные вопросы: виды диалогических единств, их структура и взаимосвязь реплик, характер реплик и т. д. [1, 2, 4, 5]. Все авторы исследований подчеркивают особенности синтаксиса разговорной речи, выделяя, как одну из его особенностей, структурную неполноту. С этой точки зрения решаются многие проблемы, связанные с диалогическими единицами.

Мы делаем попытку классификации диалогических единств, вслед за рядом авторов*, с точки зрения синтагматической классификации слов, предложенной профессором Г. Г. Почепцовым [7, 8, 9, 10], которая позволяет установить синтагматические свойства слов как элементов синтагматической цепи.

Стержнем, который объединяет несколько высказываний в диалогическое единство, является определенное слово, выражающее направленность действия. Это в первую очередь — глагол с его обязательным или факультативным окружением; кроме глагола — это также некоторые существительные, прилагательные, слова категории состояния. Мы выделяем основные типы трехчленных диалогических единств с разновидностями внутри каждого из них.

Рамки статьи не позволяют осветить все выделенные нами типы, и мы ограничимся описанием одной из разновидностей первого типа. К нему мы относим такие трехчленные диалогические единства, где под воздействием второй реплики имеет место развертка исходного высказывания с обязательным увеличением количества членов предложения в третьей реплике. Вторая реплика запрашивает новую или дополнительную информацию и, таким образом, является стимулом для семантического и (или) структурного завершения исходного высказывания:

- Don't start.
- Start what?
- Your nagging (Wesker A. «Chicken Soup with Barley», Peng, Books, 1972, p. 72).
- I did try to earn it.
- When?

* См. работы Шведовой Н. Ю. [13], Виноградова В. В. [3], Вейхман Г. А. [4], Афанасьева П. А. [1] и др. Трехчленным диалогическим единством мы называем такое сочетание реплик, когда они связаны между собой структурно и семантически.

— Yesterday and today (Saroyan W. «Selected Short Stories», Progr. Publ., M., 1976, p. 72).

При описании принципов классификации мы употребляем следующие обозначения: ДЕ-3 — трехчленное диалогическое единство. R_1 , R_2 , R_3 — первая, вторая, третья реплики соответственно.

Итак, общий принцип классификации рассматриваемого нами типа трехчленных диалогических единств — направленность действия, имплицитированная в исходном высказывании (R_1), в котором содержится элемент, имеющий два типа направленности: объектную и обстоятельственную. Вторая реплика (R_2) является стимулом для экспликации соответствующей направленности. Так, употребление глагола в третьей реплике с нулевым или положительным окружением полностью зависит от второй реплики, которая и определяет направленность действия.

По направленности, эксплицированной второй репликой, данные диалогические единства можно подразделить следующим образом:

Трехчленные диалогические единства, характеризующиеся объектной направленностью исходного высказывания.

— You needn't be afraid.

— Afraid?

— Of showing in private the affection you display in public (Storey D., «The Restoration of Arnold Middleton», Peng. Books, 1972, p. 52).

Трехчленные диалогические единства, характеризующиеся обстоятельственной направленностью исходного высказывания.

— I'm going out!

— Where?

— Just out of this house somewhere (Hansberry L. «A Raisin in the Sun», N. Y. 1961, p. 58).

В основу классификации ДЕ-3 с объективной направленностью в качестве дифференцирующего признака положен характер структуры второй реплики. R_2 , выражая эмоциональное отношение к высказанному, «подхватывает» какие-то элементы исходного высказывания и является стимулом для его завершения:

— ...we can all help Rose to forget.

— Forget?

— Her dear mother (Greene L. «The Living Room», L., 1955, p. 8).

Собеседник может конкретизировать свой интерес к высказанному при помощи специального вопроса:

— I wish I knew. On how I wish I knew!

— Knew what?

— Where my little girl is? (Gardner E. S. «The Case of the One-Eyed Witness», L., 1958, p. 15).

R₂ может сводиться к специальному эллиптическому вопросу и является стимулом для завершения высказывания:

- I know what it was.
- What?
- One of her eyes! (Orton I. «Soot», L., 1971, p. 43).
- I got news for her.
- What?
- Her cousins landed (Miller A. «A View From the Bridge», Peng. Books, 1965, p. 15).

R₂ выражена специальным эллиптическим вопросом с предлогом. Употребление во второй реплике соответствующего предлога зависит от направленности, имплицированной в первой реплике. Вторая реплика — стимул для экспликации направленности, которая проявляется в третьей реплике:

- You could find that child and see that justice was done.
- To whom?
- To the mother, to the child (Gardner E. S., p. 17).

R₂ — не только стимул для завершения высказывания, она также содержит необходимый для построения этого высказывания элемент, который непосредственно входит в построение законченной целостной структуры, являясь, таким образом, структурно-обязательным элементом для существования единства семантики:

- There they are ready.
- For what?
- Resistance (Bolt R. «A Man For All Seasons», L., 1974, p. 51).
- He wouldn't have bothered with it if I hadn't had a good introduction.
- Who from?
- A film — magnate... (Greene G. «The Compliant Lover», Peng. Books, 1971, p. 56).

В основу классификации ДЕЗ с обстоятельственной направленностью в качестве главного дифференцирующего признака положен характер направленности (пространственной, временной, качественной, целевой, причинной), эксплицируемой второй репликой. Что касается структуры второй реплики, то она может представлять собой эллиптический специальный вопрос с подхватом каких-то элементов исходного высказывания или без него.

R₂, выражая эмоциональное отношение действующего лица к высказанному, «подхватывает» какие-то элементы исходного высказывания, являясь стимулом для его завершения. В употребляемом при «подхвате» специальном вопросе проявляется определенный характер обстоятельственной направленности:

- Methinks I've seen the man before.
- Before?
- Up here (Storey L., «Cromwell», L., 1973, p. 33).

- I shall be glad to get away.
- Get away where?
- Anywhere (Wesker A., p. 41).
- This was my bedroom.
- This? When?
- When I lived here (Pinter H. «The Room», L., 1960, p. 6).
- But what we ought to have is a proper mustard tin.
- A mustard tin? What for, my boy?
- To put the tea in the pot with (Finlay L. H. «Walking Through Seaweed», Peng. Books, 1972, p. 204).

R₂ может сводиться к специальному эллиптическому вопросу, выявляющему характер обстоятельственной направленности, и является стимулом для завершения исходного высказывания.

- Police have located Myrtly. Fargo's car.
- Where?
- At the parking station... (Gardener E. S., p. 12).
- There's really only one way to get rid of them, Mama.
- How?
- Set fire to this building (Hansberry L., p. 43).

R₂, эллиптический вопрос why? и его варианты — являются стимулом для раскрытия причины совершения действия, указанного в исходном высказывании, запрашивая дополнительную информацию за пределами положительного окружения глаголов исходного высказывания:

- We were down there when we came in.
- Why?
- We were looking for the landlord (Pinter H., p. 13).
- I don't think he did.
- Why not?
- Because there was a cold drizzle up until midnight (Gardner E. S., p. 73).

R₂ — не только стимул для завершения высказывания, но и содержит необходимый для построения этого высказывания элемент, обязательный для сохранения единства семантической целостности:

- I met her here about a year ago.
- At one of Lavinia's amateur Thursdays?
- A Thursday (Eliot T. S. «The Cocktail Party», L. 1950).
- He is an Irishman.
- From what part of Ireland?
- Country Glare, I believe (Christie A. «Selected Stories», Progr. Publ., M., 1976, p. 87).
- Two hundred and fifty leaflets in an hour and a half!
- Very good. What for?
- The May Day domo (Wesker A., p. 38).
- I put the guy out of my life and crossed him off the list.
- How long ago?
- Eight months (Gardner E. S., p. 95).

Итак, во всех рассмотренных нами разновидностях ДЕ-3 в результате развертки исходного высказывания под воздействием или при участии второй реплики получается целостное структурно-семантическое высказывание. Оно может быть представлено простым развернутым или сложно-подчиненным предложениями. Синтаксическая структура завершеного высказывания зависит от синтаксической структуры третьей реплики, которая может быть выражена одним членом предложения или каким-то придаточным предложением с типом связи в законченном высказывании, представляющим собой гипотаксис или паратаксис.

Таким образом, в результате анализа данного типа ДЕ-3 были выделены три основных дифференцирующих признака, которые и легли в основу нашей классификации: а) направленность действия; б) характер структуры второй реплики; в) роль второй реплики в построении целостного структурно-семантического высказывания.

Список литературы: 1. Афанасьев П. А. Выражение подтверждения и отрицания в ответных репликах в современном английском языке. Учен. зап. Кривой п. п. ин-та, вып. 50, 1967, с. 3—72. 2. Беркнер С. С. О взаимодействии реплик в английской диалогической речи. Учен. зап. Кривой п. п. ин-та, т. 15, вып. 2, 1959, с. 17—32. 3. Виноградов В. В. Русский язык. М., Изд-во «Высшая школа», М., 1972. 4. Вейхман Г. А. Синтаксические единства в современном английском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. М., 1963. 26 с. 5. Елисеева Л. А. Рекуррентные предложения в современном английском литературном диалоге. Учен. зап. Кривой п. п. ин-та, т. 64, вып. 1, 1969, с. 143—208. 6. Маркина Л. С. Четырехзначные диалогические единства в современном английском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук. Л., 1973. 23 с. 7. Почепцов Г. Г. Типы дополнения в английском языке — ж. Иноземна филология, вып. 10, 1966, с. 27—34. 8. Почепцов Г. Г. Об обязательном и факультативном окружении. — ж. Вопросы языкознания, № 1, 1968, с. 145—148. 9. Почепцов Г. Г. Конструктивный анализ структуры предложения. Киев, изд-во «Вища школа», 1971. 190 с. 10. Почепцов Г. Г. Синтаксика английского языка. Киев, изд-во «Вища школа», 1976. 105 с. 11. Пенькова Г. А. Двучленные и трехчленные сверхфразовые диалогические единства. — В кн.: Принципы и методы лексико-грамматических исследований, ч. 2, Л., 1972, с. 69—73. 12. Святогор И. П. Типы диалогических реплик в современном русском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук, Калуга, 1967. 27 с. 13. Трофимова Е. А. Приемы выражения взаимосвязи реплик диалогической речи. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук, М., 1964. 20 с. 14. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., Изд-во АН СССР, 1960. 250 с.

В. С. ПРОЦЕНКО

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПАДЕЖЕЙ И ИХ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Цель данной статьи — показать слабые стороны решения некоторых вопросов о падеже. Проблема системного противопоставления падежей не является в лингвистике новой. Еще

в прошлом веке А. Людвиг указывал на то, что истинное учение о падежах должно исходить не из рассмотрения их в отдельности, а из того, как они противопоставляются друг другу. Он предложил следующую систему оппозиций: N./Akk. — L./AbI. — D./I [14]. Однако система А. Людвиг не нашла последователей так же, как и более поздняя схема падежей Л. Ельмслева [13].

Наибольшее распространение получила структурная схема русской падежной системы Р. Якобсона [11], которая, однако, не лишена противоречий.

Р. Якобсон исходил из того, что, если в фонологии звуковые варианты сводятся к фонеме как инварианту, то в грамматике частные комбинаторные значения каждого падежа также можно привести к общему знаменателю. Этим общим инвариантным значением каждый падеж отличается от прочих падежей той же системы. Для установления общих инвариантных значений падежей Р. Якобсон использовал три различительных признака: периферийность — непериферийность, направленность — ненаправленность, объемность — необъемность. Признак периферийности характеризует предметы, которые в высказывании играют побочную роль в отличие от основных предметов высказывания. Р. Якобсон поясняет это на следующем примере. В предложении «Я ел дорогой икру» главный смысловой акцент падает на объект действия, т. е. на словоформу «икру», которая является формой основного, а не периферийного падежа. Напротив, словоформа «дорогой» обозначает признак действия и не столь значительна по своему удельному весу в высказывании. Как утверждает Р. Якобсон, это видно из того, что название признака можно без ущерба для общего смысла высказывания заменить другим: «Я ел **дорогой** икру», «я ел **ребенком** икру», «я ел **пудами** икру», «я ел **ложкой** икру». Естественно, что словоформа «дорогой» (и ее заменители) является периферийным падежом. К периферийным автор относит детальный, творительный и местный, к непериферийным — именительный, винительный и родительный падежи.

Творительный падеж Р. Якобсон относит к периферийным, исходя из его обстоятельственной функции, без учета объектной функции, где определение «периферийный» теряет свой смысл. Винительный же падеж он относит к непериферийным. Приведем несколько примеров, в которых путем трансформации заменим винительный падеж творительным: 1. Певец имеет хороший **голос** (вин. п.). Певец обладает хорошим **голосом** (твор. п.). 2. Он любит **математику** (вин. п.). Он увлечен **математикой** (твор. п.). 3. Он освоил **профессию** (вин. п.). Он овладел **профессией** (твор. п.). Здесь творительный падеж объекта вовлечен в действие не меньше винительного, так что выделение в падежной системе подобного дифференциального признака нецелесообразно.

Творительный и винительный падежи, употребленные адвербиально, имеют побочное значение в содержании высказывания, например: «Целый **вечер** мы бродили в лесу» и «**Теплым вечером** мы бродили в лесу». И здесь мы наталкиваемся на противоречие, так как одно и то же высказывание, т. е. обстоятельство времени, выражается одновременно и периферийным и непериферийным падежом; оппозиция снова снимается, и этот дифференциальный признак теряет свою различительную силу.

Если рассматривать падежи по признаку «объемность — необъемность», т. е. по полноте вовлеченности предмета высказывания в действие, то, согласно членению Р. Jakobsona, родительный и предложный падежи являются объемными, а творительный — необъемным, например: «**Остров на реке**» (предл. п.), где предложный падеж — объемный. В нашем примере с творительным падежом: «**Остров за отмелью**», то же самое высказывание, обозначающее местоположение острова, выражается необъемным падежом, т. е. невовлеченным в действие, что противоречит первому высказыванию. Еще пример: «**Мальчик мечтал о приключениях**» (предл. п.) и «**Мальчик бредил приключениями**» (твор. п.). В этих синонимичных предложениях также снимается вторая оппозиция «объемность — необъемность», поскольку и творительный и предложный падежи имени существительного «приключение» в равной степени вовлечены в действие. Если предел действия для предложного падежа в высказывании «**Говорил о товарище**» (предл. п.) должен быть, согласно Р. Jakobsonу, очевидным, то нельзя не видеть предела действия в высказывании «**Работал всю субботу**» (вин. п.), где винительный падеж относится к необъемным падежам. Мы видим, что вторая оппозиция, как и первая, — противоречива. И, наконец, трудно согласиться, что в высказываниях типа «**Ребенку больно**», «**Матери грустно**» дателный падеж — периферийный, т. е., имеющий побочное значение.

Кроме противоречий, проявляющихся в дифференциальных признаках, следует отметить еще один недостаток системы Р. Jakobsona, который рассматривает только беспредложные падежные формы, так что часть реального языкового материала остается за пределами языковой системы. З. Д. Попова в своих работах показала, что с синтаксической точки зрения формы без предлога и предложные формы представляют собой один ряд, одну и ту же парадигму, члены которой соотнесены друг с другом. Изучение только предложных или только беспредложных падежных форм является механическим расчленением единого языкового ряда [5]. Мы полностью разделяем мнение З. Д. Поповой о единстве системы падежных форм с предлогом и без предлога, так как в ней проявляются соотношения не только количественные, но и качественные. Поэтому нельзя назвать падежной системой схему, предложенную последователем Р. Jakobsona, Р. В. Резник, если при исследо-

вании древнеанглийских падежей она выключила из системы инструментальный падеж и предложные конструкции [8]. Другой последователь теории Р. Якобсона Ю. С. Степанов включает в систему падежи, имеющие субъектную, объектную и определительную функции, и исключает падежи в функции обстоятельств и предложно-падежные сочетания [10]. Е. Курилович подвергает критике систему Р. Якобсона, но то, что он предлагает взамен, также является неприемлемым, так как деление падежей на семантические и синтаксические с учетом лишь обстоятельственных функций творительного падежа не улучшает положения [2]. Таким образом мы видим, что попытка описания падежных значений в структурном плане так же не совершенна, как и традиционное описание падежных значений. А. А. Потебня указывал, что творительный падеж в русском языке имеет такое множество значений, что возникает мысль, не являются ли эти значения отдельными падежами, объединенными под общим названием творительного [7]. В лингвистической литературе отмечается, что проблема общего и частного значения падежей, как и проблема границ значений каждого из них являются одними из наиболее трудных в теоретической грамматике. На невозможность определения основного значения падежа указывал в своей работе А. Людвиг. В санскрите творительный падеж одновременно означал социативные и привативные отношения, так что об основном значении не могло быть и речи [14]. В древнесаксонском языке инструменталис, кроме прочих значений, имел социативное и привативное значения в зависимости от глаголов, с которыми сочеталось имя существительное. О невозможности определения общего значения падежа говорит также М. М. Стеблин-Каменский [9].

Мы считаем, что падежные значения не нужно делить на основные и второстепенные. Это деление основывается обычно на количественной характеристике элементов, охватываемых тем или иным падежным значением. Последнее тесно связано с семантикой управляющего глагола и имени существительного в каком-либо падеже, причем удельный вес глаголов и имен в этих словосочетаниях неодинаков. Семантические подмножества имен существительных неравноможны. Одни из них содержат десятки и сотни элементов, а другие — единицы (напр., наименования времен года, частей суток и др.). Тем не менее, единичные элементы, входящие в какое-либо семантическое подмножество, имеют свое самостоятельное падежное значение, не вытекающее из других значений падежа и семантических подмножеств. Значения этих единичных элементов не пересекаются со значениями других, более мощных, семантических подмножеств, но от этого они не теряют своего самостоятельного значения и продолжают функционировать в языке.

На связь падежного значения с лексико-семантическим значением глагола и имени существительного указывал еще

Б. Дельбрюк [12]. Эта связь стала общепринятой в современной лингвистической литературе. Значительный вклад в классификацию семантических разрядов глаголов и имен существительных внесла З. Д. Попова. Однако, как отмечает она сама, это деление затрудняется теми случаями, когда слова не поддаются классификации. Получается множество семантических разрядов, содержащих фактически единичные элементы [6].

В лингвистической литературе аксиоматически утвердилось мнение о равномерной частотности падежей в языке. Меньшая частотность какого-либо падежа по сравнению с другими (напр., инструменталиса в древневерхненемецком языке) считалась признаком угасания функций этого падежа и его отмирания на данном этапе развития языка. Как показывает языковой материал (древневерхненемецкие письменные памятники), падежи не могут быть статистически равнозначными. Номинатив в качестве субъекта действия может быть в каждом предложении, в то время как инструменталис, в значении орудия или причины, встречается не в каждом предложении. Неравноценны падежи и по количеству значений и синтаксических функций. Так, номинатив при наибольшей частотности в тексте имеет наименьшее количество падежных значений независимо от лексико-семантических разрядов слов. Особенностью номинатива является также его устойчивость: он не передает своих функций другим падежам (кроме творительного предикативного в славянских языках) [9]. Аналогичные свойства проявляет аккузатив в функции прямого дополнения и генитив отношения (принадлежности) [1].

По нашим наблюдениям датив объекта также не переходит к другим падежам. Обстоятельственные же функции падежей со значениями места, времени, причины, цели и другие переходят от одного косвенного падежа к другому на всем протяжении развития языка. Таким образом, выражение какого-либо падежного значения совершенно не зависит от того, в каком падеже стоит имя существительное, а только от того лексического наполнения, которое оно имеет. Например, в латинском языке имена существительные со значением мышления, памяти стали употребляться вместо аблатива с генитивом, а в германских языках инструменталис орудия перешел к дативу.

Мы приходим к выводу, что имя существительное в падежной форме представляет собой коммуникативный комплекс, компонентами которого являются не только единицы морфологического уровня (флексия), элементы лексико-семантического поля (сема имени существительного, глагола, предлога), но в ряде случаев и единицы синтаксического уровня (порядок слов). Минимальное количество компонентов для обеспечения коммуникативного акта — три элемента; четвертый элемент необязателен: за его счет образуется лингвистическая избыточность. Путем комбинаторных сочетаний из вышеуказанных эле-

ментов образуются варианты коммуникативного комплекса в языке: VNF(P), VNP(F), VNO(P), VNP(O) (V — сема глагола, N — сема имени, P — сема предлога, F — флексия, O — порядок слов). При омонимии флексии имени существительного в состав структуры может войти ударение, например: «Горели все свѣчи, кроме одной свечи». Становится ясно, что для правильного понимания коммуникативного комплекса, компонентом которого является падеж, необходимо учитывать предлоги, так как они являются составными элементами всего словосочетания. Значение всего словосочетания зависит как от падежа, так и от предлога, например: в лесу — в лес, на столе — на стол; за лесом, под лесом, над лесом, перед лесом.

Близко к понятию коммуникативного комплекса подошел В. Мигирин, определив, что совокупность формальных приемов образует единство, в котором лексическое ударение и положение слова в предложении являются такими же необходимыми элементами, как и падежная форма [4].

Мы показали образцы структур коммуникативного комплекса с явными элементами. В коммуникативный комплекс могут также входить неявные элементы, такие как грамматический род, например: «Стол-у нет места»; «Он увидел гор-у». Здесь флексия на фонологическом уровне не различается. На морфологическом уровне морфемы у дательного падежа мужского рода и винительного падежа женского рода имеют неявное различие за счет грамматического рода.

Понятие коммуникативного комплекса ясно показывает, что любое перечисление падежных значений — бесплодно в силу большого количества лексических единиц и связано с трудностями их объединения в семантические ряды, что до некоторой степени равносильно составлению тематического словаря. Таким образом, проблема определения первоначальных или основных падежных значений остается пока нерешенной.

Список литературы: 1. Десницкая А. В. Вопросы изучения языкового родства индоевропейских языков. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1955. 376 с. 2. Курилович Е. Проблема классификации падежей. — В кн.: Очерки по лингвистике. Изд-во АН СССР, 1962. 176 с. 3. Макаев Э. А. Структура слова в индоевропейском. — В кн.: Проблемы сравнительной грамматики индоевропейских языков. Изд-во Моск. ун-та. 1964. 243 с. 4. Мигирин В. К вопросу об определении категории падежа. — «Русский язык в школе». 1963, № 5, с. 1—4. 5. Попова З. Д. Синтаксические значения падежной формы. — Сб. вузов Центрально-Черноземной зоны. Изд-во Воронежск. ун-та, 1967, с. 27—35. 6. Попова З. Д. Система падежных и предложно-падежных форм в русском литературном языке XVII века. Изд-во Воронежск. ун-та, 1969. 319 с. 7. Потёбня А. А. Из записок по русской грамматике. Харьков, 1874. 409 с. 8. Резник Р. В. История развития падежных значений в английском языке. Автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук, Л., 1969. 18 с. 9. Стеблин-Каменский М. М. Грамматика норвежского языка. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1957. 154 с. 10. Степанов Ю. С. Синтез лингвистических направлений как лингвистическая задача. — В кн.: X Международный кон-

гресс проблем языкознания. М., Изд-во АН СССР, 1967. 54 с. 11. Якобсон Р. О. Морфологические наблюдения над славянским склонением s-Gravenhage. 1958. 12. Delbrück B. Synkretismus. Straßburg, 1907. 13. Hjelmslev L. La catégorie des cas. «Acta Jutlandica», VII, 1935. 14. Ludwig A. Über die absoluten Verbalformen des Samskr̥t und den Prädikatsausdruck im allgemeinen. Sitzungsberichte, Prag, 1898.

Л. Н. ПРУДНИКОВ, канд. филол. наук

ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ РУССКОГО ЯЗЫКА В АНГЛИЙСКОМ ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ «ЧЕЙМБЕРС»

Словарь «Чеймберс» [1] принадлежит к числу лучших современных толковых словарей английского языка. Представляет интерес то, в какой мере в нем отражены заимствования из русского языка. Ниже рассматриваются только те из них, которые отсутствуют в «Большом англо-русском словаре» [2], причем учитываются только полные, или фонетические заимствования, т. е. «такие, которые вошли в английский язык в своей исконной звуковой форме, разумеется, известным образом модифицированной в соответствии с английской фонологической системой» [3].

Заимствования разделяются на две группы — научные термины и реалии, т. е. «слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [4]. Формальным признаком реалий может считаться наличие слов «Россия», «русский» или аналогичного выражения в определении данного понятия в английском словаре.

Промежуточную группу заимствований составляют те научные термины, в частности метеорологические и зоологические, которые могут быть одновременно отнесены и к реалиям.

Отсутствие ссылки на русскую действительность в определении заимствования, являющегося реалией по своей природе, может свидетельствовать о том, что слово находится на пути к полной ассимиляции в английском языке.

Реалии можно подразделить на три группы.

1. Реалии, относящиеся к старой России: *ataman* «казачий предводитель или генерал; гетман» — атаман (в кавычках дается перевод определения из словаря); *chinovnik* «высокое официальное лицо на русской гражданской службе; бюрократ» — чиновник; *starosta* «русский сельский голова» — староста; *volost* «округ местного управления в России (ист.)»; совет сельского района — волость; *rusalka* «русская водяная нимфа» — русалка.

2. Реалии, относящиеся к советской действительности:

Cheka — Чека; *chekist* — чекист; *oblast* — область; *tovarish* — товарищ.

3. Бытовые реалии, частично вышедшие из современного употребления: *bashlyk* «капюшон с длинными концами, который носят в России, особ. солдаты» — башлык (определение частично не совпадает с определением «Словаря русского языка» [5]; *dvornik* «русский консьерж или привратник» — дворник; *zakuska*, pl. *zakuski* — закуска; *sazhen* «русская мера, около 2 метров» — сажень; *ziganka* «русский сельский танец, музыка к нему, обычно быстрая» — цыганка.

Следует отметить, что в «Большом англо-русском словаре» отсутствуют такие давно известные заимствования из русского языка, как *duma*, *voivode*, *borsch*, *shchi*, *telega* [3].

Что касается научной терминологии, то здесь прежде всего следует упомянуть слово *cosmonaut*, которое включено в «Большой англо-русский словарь», но в словаре «Чеймберс» оно снабжено примечанием «русское» и дан орфографический вариант — *kosmonaut*. Действительно, хотя это слово создано из греческих элементов, свое реальное значение оно получило в русском языке.

В словарь Чеймберс также включены следующие научные термины русского происхождения: *kurchatovium* «элемент 104, названный русскими в честь русского физика» — курчатовий; *mendelevium* «элемент с атомным числом 101, названный в честь русского Д. И. Менделеева, разработавшего периодическую таблицу элементов» — менделевий; *mazut* «нефтяные остатки, получаемые после перегонки» — мазут (в словаре «Чеймберс» приводится русская этимология — от «мазать», хотя М. Фасмер [6] дает арабскую этимологию); *astatki* «остатки после перегонки нефти, используемые в качестве топлива» — остатки.

В словарь включены следующие метеорологические и зоологические термины, которые по своему характеру могут быть отнесены и к реалиям: *bugan* «сильная метель при ветре с северо-востока в Сибири и центральной Азии» — буран (определение в «Словаре русского языка»: «снежная буря, метель в степи»); *zastruga* «один из ряда длинных параллельных снежных гребней на открытых продуваемых ветром участках» — заструга; *golomynka* «очень жирная рыба, обитающая в озере Байкал, похожая на бычка» — голомянка; *keta* «тихоокеанский лосось» — кета; *terek* «кулик с реки Терек (Россия)» — возможно, имеется в виду тиркушка.

В «Этимологическом словаре английского языка» Скита [7], изданном в 1879—1882 г., приведено только 11 слов русского происхождения. В словаре «Чеймберс» их около ста. При явном нежелании английских лексикографов допускать в свои словари русские заимствования, такое возрастание их числа свидетельствует о неуклонном влиянии русского языка на английский.

Список литературы: 1. Chambers Twentieth Century Dictionary. Edinburgh, 1974. 1649 p. 2. Большой англо-русский словарь, т. 1—2, М., изд-во «Советская Энциклопедия», 1972, 1685 с. 3. Амосова Н. Н. Этимологические основы словарного состава современного английского языка. М., изд-во лит. на иностр. яз., 1956, с. 144; 146. 4. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М., «ИМО», 1975, с. 95. 5. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., изд-во «Советская Энциклопедия», 1972, с. 38; 61. 6. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, т. 2, М., «Прогресс», 1967, с. 558. 7. Skeat W: An Etymological Dictionary of the English Language, Oxford, 1879—1882, p. 630.

А. Л. БЕЛОГУБ, канд. филол. наук

ОБ ОДНОЙ ИЗ ТЕНДЕНЦИЙ РАЗВИТИЯ ОТРАСЛЕВОЙ ТЕРМИНОЛЕКСИКИ (НА МАТЕРИАЛЕ ОТРАСЛЕВОЙ ПОДСИСТЕМЫ СТАНКОСТРОЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ)

Немецкая терминологическая подсистема станкостроения формируется и развивается в тесном взаимодействии с другими подсистемами. Взаимное влияние подсистем ведет к их обогащению, к появлению новых структур и усложнению старых форм связи. Все это повышает внутреннюю активность каждой подсистемы, активизирует миграцию терминологии как внутри лексико-семантической системы своего языка, так и между системами разных языков. Процесс миграции терминологии совершается не сам по себе, а под влиянием группы факторов экстра- и интралингвистического порядка. Они влияют на отраслевую подсистему в тесном взаимодействии, создавая определенную тенденцию развития. Отсюда вытекает цель данной статьи — определить основную тенденцию обогащения немецкой отраслевой терминологической подсистемы станкостроения иноязычными структурными элементами.

Учитывая, что лексикографические источники технического профиля, особенно в историческом плане, значительно различаются по объему, то для определения числа иноязычных терминов в подсистеме целесообразно применить выборочный метод исследования. 120 выборки, образованных в результате собственно-случайного отбора, взяты из немецкой технической периодики с интервалами 20 лет, начиная с 1870 г. В один временной интервал входят 20 тематически связанных выборок. Объем каждой из них не менее 10 тыс. печатных знаков. Если в анализируемой технической периодике (особенно в 1870 г.) нет статьи соответствующего объема, то в одну выборку объединяется несколько мелких статей. Оценка репрезентативности выборки определяется, как известно, с помощью показателей средней и предельной ошибок выборочной доли. Полученная в результате статистической обработки данных сравнительно низкая величина средней ошибки выборочной средней (приблизительно 4—5%) также подтверждает репрезентативность выборок.

Из общего количества терминов в форме имени существительного, встречающихся в каждой выборке, выделим иноязычные элементы, в том числе и гибридные образования, а затем определим их процентное содержание. Индивидуальные показатели, характеризующие количество заимствованных терминов, по ряду причин сильно варьируются, поэтому почти невозможно установить, в какой из изучаемых периодов уровень заимствованных терминов выше. Чтобы сравнение было объективным, используем обобщающий показатель, т. е. среднюю арифметическую. Поскольку почти каждый термин в выборке повторяется несколько раз, то расчет среднего процента иноязычных элементов в терминосистеме в исследуемые периоды произведем по формуле средней арифметической взвешенной: $\bar{x} = (\sum xf) / f$, где f — общее количество терминов в выборке; x — число исследуемых, т. е. иноязычных терминов; $\bar{x}$ — средняя арифметическая взвешенная, выражающая средневзвешенную численность иноязычных терминов в подсистеме. Каждая выборочная средняя дает отклонение от генеральной, какую-то ошибку. Среднюю ошибку выборочной средней рассчитаем по формуле, применяемой при случайном повторном отборе*.

$\mu = \sqrt{\sigma^2 / n}$, где σ^2 — дисперсия выборочной совокупности, n — численность выборки. Подставив в эти формулы данные, получим показатели, характеризующие средний процент заимствованных терминов в отраслевой подсистеме станкостроения в исследуемые периоды, а также среднюю ошибку выборочной средней (см. табл. 1).

Таблица 1

Годы	Средний процент иноязычных терминов	Средняя ошибка выборочной средней
1870	27,161	2,7
1890	22,730	5,6
1910	24,599	2,6
1930	24,585	4,3
1950	27,990	2,9
1970	36,368	4,0

Вслед за получением средней ошибки возникает вопрос об определении размеров предельной ошибки выборки. Предельная ошибка выборки (Δ) рассчитывается по формуле $\Delta = \mu t$, где t — коэффициент доверия, зависит от значения вероятности P . С вероятностью 0,997 вычислим предельную ошибку выборочной средней. Значение t определяется по таблице интеграла вероятностей [3, с. 239]. При $t=3$ вероятность равна 0,997,

* Методику расчета средней ошибки выборочной средней при собственно-случайном отборе см. [2, с. 152].

что означает: из каждой 1000 выборок 997 будут иметь обобщающие показатели, которые будут отличаться от генеральных обобщающих показателей не более чем на трехкратную среднюю ошибку выборки. Итак, с вероятностью 0,997 установим пределы, в которых находится неизвестная генеральная средняя: в 1870 г. предельная ошибка выборки $\Delta = t_{\mu} = 3 \cdot 2,7 = 8,1\%$.

Определим собственно нижний и верхний пределы, в которых с указанной вероятностью заключена генеральная средняя: $\bar{x} - \Delta = 27,1 - 8,1 = 19,0\%$; $\bar{x} + \Delta = 27,1 + 8,1 = 35,2\%$.

Таким образом, с вероятностью, равной 0,997, можно утверждать, что при сплошном обследовании численности иноязычных терминов в отраслевой подсистеме станкостроения в 1870 г. средний процент был бы не ниже 19,0% и не выше 35,2%. В табл. 2 приведены пределы, в которых окажется генеральная средняя в исследуемые периоды времени.

Таблица 2

Годы	Предельная ошибка выборки	Пределы, в которых заключена генеральная средняя
1870	8,1	$19,0 < x < 35,2$
1890	16,8	$5,9 < x < 39,5$
1910	7,8	$16,79 < x < 32,39$
1930	12,9	$11,68 < x < 37,48$
1950	8,7	$19,29 < x < 36,69$
1970	12,0	$23,36 < x < 47,36$

Геометрически адекватной формой изображения процесса обогащения отраслевой терминосистемы станкостроения иноязычными элементами является линейная координатная диаграмма (см. рис.). Горизонтально расположенная ось абсцисс является осью времени. Вдоль нее откладывается цифровая шкала с равномерно размещенными отметками времени. На вертикально расположенной оси ординат отложим те значения, которые характеризуют средневзвешенную численность иноязычных элементов в определенные периоды. По отметкам обоих шкал определим местоположение точек в координатном поле диаграммы; последовательно соединив эти точки, получим зигзагообразную кривую (на графике — пунктир), изображающую процесс изменения среднего процента иноязычных терминов во времени.

Колебательные движения эмпирического ряда маскируют основную тенденцию процесса, или тренд, так как на основании показателей только среднего процента заимствованных терминов в отраслевой подсистеме еще нельзя вывести определенной закономерности. Характер изменения количественного состава иноязычных терминов можно выявить с помощью дальнейшего

теоретического анализа этих же показателей. Средние величины рассматриваются уже как исходные уровни для математического выражения общей тенденции роста иноязычных элементов в терминосистеме.

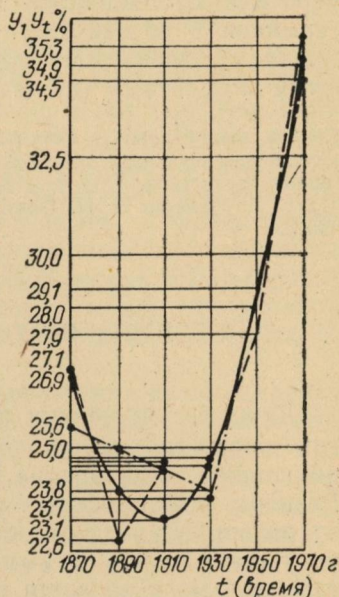
Ориентируясь на общую конфигурацию эмпирического ряда, нанесенного на диаграмму, можно сказать, что линией, которая ближе всего пройдет ко всем точкам выравниваемой кривой, окажется парабола.

Аналитическое уравнение параболы второго порядка имеет вид $\hat{Y}_t = a_0 + a_1t + a_2t^2$, где $\hat{Y}_t$ — количество иноязычных терминов в подсистеме (в процентном выражении); t — время.

Математическая сторона вопроса, т. е. сам механизм вычисления параметров уравнения, в статье не рассматривается, поскольку этому вопросу посвящена обширная научно-педагогическая литература по математической статистике [см. 1, с. 224]. После соответствующих вычислений уравнение параболы примет следующий вид: $\hat{Y}_t = 26,88 - 0,21 + 0,0029t^2$. Подставляя значения t , получим выравненные значения численности иноязычных терминов в отраслевой подсистеме*.

t	1870	1890	1910	1930	1950	1970
$\hat{Y}_t$	26,88	23,84	23,12	24,72	28,64	34,88

Теперь можно построить график, изобразив, наряду с фактическими, данные, полученные после выравнивания по параболе второго порядка (на графике — плавная линия). Эта парабола неплохо выражает конфигурацию эмпирического ряда, если рассматривать ее в целом, считая, что она отражает единую тенденцию обогащения отраслевой подсистемы иноязычными терминами в течение столетия. Однако в действительности такого единства нет. Напротив, на протяжении изучаемого периода произошла вторая мировая война, резко изменившая политическую и экономическую обстановку в стране. Каждый этап развития имеет свои особенности и закономерности, поэтому в данном случае целесообразно находить общую кривую для исторически разных периодов. Весь изучаемый период можно разбить на два, разделенных 1930 г., и в каждом из них произвести выравнивание по прямой**. Такое выравнивание выявило

* Время в математическую модель введено как прирост лет по отношению к 1870 году. 1870 г. принят за 0, а остальные периоды — соответственно 20, 40, 60, 80, 100.

** Методику расчета общей тенденции развития в рядах динамики см. [2, с. 223, 288],

резкое качественное различие двух периодов: в первом численность иноязычных терминов уменьшается (формула ее динамики $\dot{Y}_t = 25,6 - 0,03t$ при начале счета лет с 1870 г.), а во втором значительно растет (формула ее динамики $\dot{Y}_t = 7,5 + 0,27t$).

Итак, резкие изменения во внешних условиях в большой мере меняют тенденцию движения численности заимствованных терминов в подсистеме, что приводит к неравномерному обогащению отраслевой терминосистемы иноязычными структурными элементами (на графике — штрихпунктирная линия).

Список литературы: 1. Венецкий И. Г., Кильдишев Г. С. Основы математической статистики. М., Госстатиздат, 1963. 308 с. 2. Практикум по общей теории статистики. Под ред. проф. Рязова Н. Н., М., «Статистика», 1972. 312 с. 3. Урланис Б. Ц. Общая теория статистики. М., Госстатиздат, 1962. 496 с.

О. А. РАССКАЗОВА

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

Данные, полученные в результате использования в лингвистике новых методов исследования, позволяют пересмотреть традиционную точку зрения на понятие грамматической категории. Решение этой проблемы является весьма актуальным, поскольку расширяет возможности изучения практической базы и теоретических основ грамматического строя языка. Сказанное в полной мере касается и французской филологии, хотя за последнее время в ней появилось несколько частных теорий, построенных на конкретной языковой основе.

Грамматические формы взаимодействуют друг с другом, с окружающей и наполняющей их лексикой, в связи с чем меняются значение и функция той или иной формы. Располагаясь в общей системе языка между лексикой и семантикой, функциональная морфология вступает во взаимодействие со стилистикой там, где есть выбор языковых единиц и существуют формально-грамматические средства, которые в силу своего функционально-семантического подобия могут взаимозаменяться. Из этого следует, что для анализа языковой системы необходимо применять методы, основанные на изучении любого факта языка в его отношениях с другими элементами системы.

Стремление объединить при анализе языкового материала грамматические факты с языковыми средствами других уровней проявилось уже давно. Об этом в свое время говорили А. А. Потебня, А. М. Пешковский, А. А. Шахматов, Л. В. Щерба, В. В. Виноградов и др. А. А. Потебня, в частности, относил к грамматическим средствам не только звуковые обозначения, т. е. формальные элементы слова, но и сочетаемость, и даже семантические функции в речи [12]. А. А. Шахматов считал, что